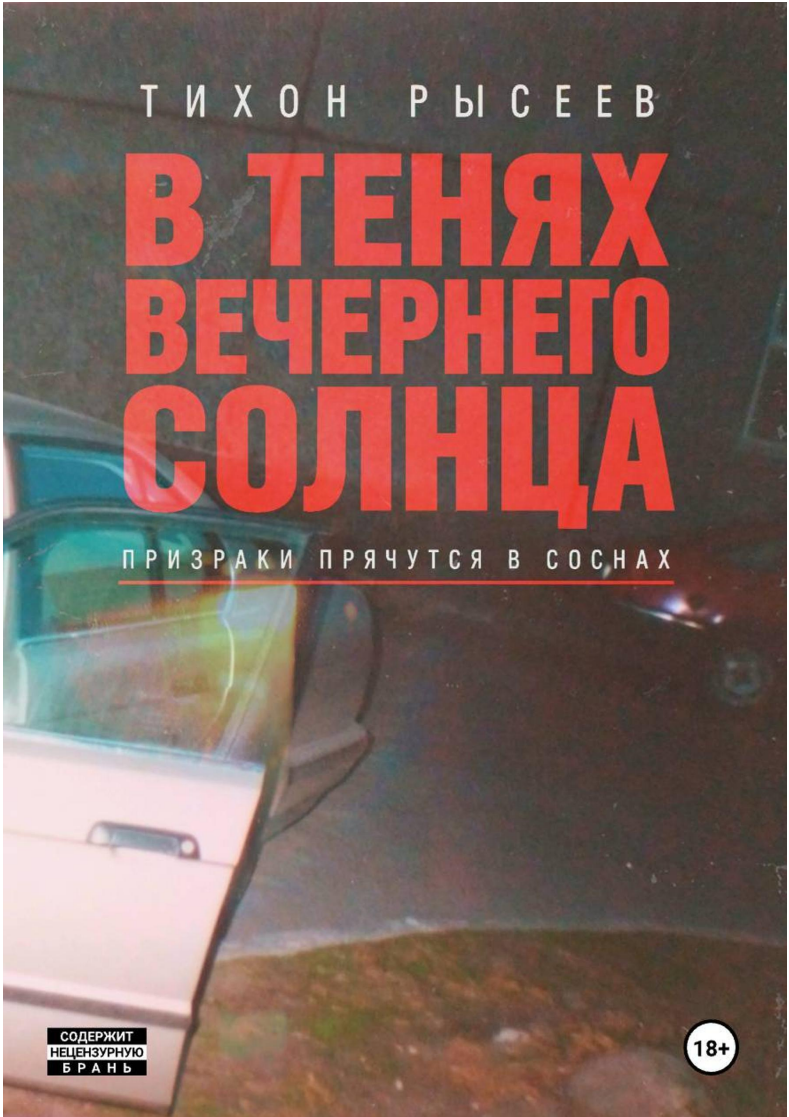

ТИХОН РЫСЕЕВ
В ТЕНЯХ ВЕЧЕРНЕГО СОЛНЦА
ПРИЗРАКИ ПРЯЧУТСЯ В СОСНАХ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Тихон Рысеев

В тенях вечернего солнца

https://litres.ru/74997637
SelfPub; 2026

Аннотация

Криминальная сторона Рысьегорска, какой ее еще не видели! Борьба за придорожный комплекс между бандитскими группировками становится более жестокой, и на поле битвы выходят те, для кого комплекс всегда был домом. Продолжение книги "По ту сторону трассы" развивает историю города и его персонажей, но и забирает кого-то из них туда, где призраки живут в тенях вечернего солнца, где небо для мёртвых всегда черное...

Тихон Рысеев
В тенях вечернего солнца

Первый пролог.
Девяностые.

Муж загадочным образом попал в автокатастрофу. В постановлении о смерти лениво указали на неисправные тормоза, и Водометова Инесса Андреевна с грустью вздыхает. Наряженная в черное траурное платье, она прячет круглое лицо за носовым платком и едва слышно подвывает, будто она и вовсе не перерезала тормоза в новеньком мерседесе, пригнанном прямо из Москвы. Инесса, возвышаясь над закрытым гробом всхлипывает покрасневшим носом и отворачивается от гроба. Завещание? Конечно же она не выбивала из благоверного подписи в бумагах, и под страхом смерти не гнала заверять документы к нотариусу. На небольшом столике у гроба сепейная фотография с черной ленточкой в правом нижнем углу с укором смотрит на молодую вдову. Хлеб над стаканом водки засыхает, как и выдавленные слезы. Конечно же Инессе очень жалко мерседес. Но если она схватит быка за рога, и оседлает его как следует, то Инесса сможет позволить себе хоть целый автопарк. А сейчас...

Сейчас она принимает соболезнования. Друзья муженька смотрят на нее с подозрением, но все таки отваживают-

ся подойти к этой огромной двухметровой женщине и чисто формально предложить свое плечо. Инесса планирует убить некоторых из них чтобы не наводили паники, и потому на какое-то время отключает гордость: говорит, что очень нуждается в их сильном мужском плече. А когда гроб обрекают на гниение в земле на глубине двух метров, Инесса, разогнав всех, уединяется с любовником в спальне на втором этаже дома, и пьяная засыпает.

Обычно Инесса никогда не тяготилась кошмарами, но на этот раз ей снится покойный муж. Он обидчиво тыкает в нее пальцем, выпаляя немые обвинения в убийстве. Но даже во сне Инесса сохраняет спокойствие перед разыгравшимся воображением, и потому хватает мужа за палец, и резким движением его ломает.

— Браво. В гневе вы прекрасны!

Голос слышится откуда-то издалека. Во сне Инесса переносится за город, в придорожный комплекс, который едва сводил концы с концами. Ржавая колонка, гостиница, и бескрайние леса по обе стороны трассы. Наша вдова слышала об этом месте разные небылицы о привидениях, и даже не знала, что там в скалах и соснах так красиво. Во сне Водометова Инесса Андреевна будто парит над этим местом, и чуть ли не плачет от красоты скал и лесов, и ощущения легкости в ее полном и грузном теле.

Водометова Инесса Андреевна — зло во плоти, одетое в

леопард и золото. Женщина, чье прозвище "Вероломная" будет пугать в Рысьегорске каждого. Сотни слухов, десятки историй о ее жестокости, и о ее так называемых "казнях", после которых очевидцы не смели даже думать о том, чтобы перейти этой огромной женщине дорогу.

Ростом почти в два метра, необъятная как горизонт, и прущая вперед как грузовоз без тормозов. Кто-то сравнивал ее с танкером без управления. С Боингом-747, тяжело поднимающимся со взлетной полосы. Богиня Кали в теле вульгарной жирдяйки. Вавилонская Блудница на звере семиглавом — с украденным состоянием и жадностью до власти.

О прошлом Инессе вспоминать не нравится, но в моменты, когда судьба требует стойкости, первым делом она воскрешала в памяти свинью. Свинью, которая была в ее поселке Ноябрьском.

Инесса была очень крупным ребенком, хоть и родилась на шестом месяце беременности. Уже в двенадцать лет она выделялась высоким ростом и полнотой, и походила на дородную женщину. Разумеется, такая отличительная черта делала ее объектом насмешек и издевательств даже со стороны взрослых. И обзывали Инессу свиньей.

Поселок Ноябрьский был очень маленьким, вмещающим в себе колхоз, пилораму, и пятьсот человек жителей. Мать Инессы откровенно стыдилась своей дочери, и в порывы гнева говорила о том, что родила не девочку, а взрослую бабу. А отец просто пил, а в редкие моменты трезвости предпочитал

не замечать дочь, которая что и делала, так это сидела дома за книгами, или помогала матери в колхозе.

И в том колхозе в свинарнике была та самая свинья, которую вечно держали привязанной. Ходили легенды, что много лет назад она съела маленького ребенка оставленного без присмотра, и считалось, что свинья жаждила опять вкусить человеческого мяса. Летом она постоянно лежала в тени свинарника, а в холодные времена года не видела света, находясь внутри, опять же привязанной. Местные детишки приходили к ней, чтобы покидаться в нее камнями и палками, и видя это, сердце Инессы обливалось кровью. Она рано поняла, что жалость испытывает только к этой несчастной свинье. Но и заступиться за животное она не могла, так как над ней смеялись бы еще больше.

В общем, жилось Инессе плохо. Она знала, что где-то было иное существование без унижений, и она ждала своего шестнадцатилетия, чтобы уехать учиться в Рысьегорск. Серость поселка ее отравляла.

Но уехать ей пришлось гораздо раньше. Одним апрельским днем вычищая в одиночестве клетки у кроликов, она услышала, как свинья начала громко визжать. Прибежав на шум, она увидела, как какой-то пьяный мужик пинал животное, еле стоя на ногах. В морщинистом лице Инесса узнала отца того ребенка, которого съела свинья.

— А ну отошел от нее, урод, — завопила Инесса.

— Закрой пасть, жируха, — гаркнул мужчина.

Не на шутку разъярившись, Инесса впервые в жизни решила проявить ту силу, которой ее наделила природа. Резким движением она повалила мужика на землю, и уткнула его лицо в жидкую грязь вперемешку со свиным дерьмом. Наступив ему на голову, Инесса с улыбкой наблюдала, как тот задыхался. И когда он перестал шевелиться, она освободила свинью. Затем, придя домой, она собрала вещи и пожалела лишь о том, что не сделала этого раньше. Рост и дородность помогут ей сохранить в тайне свое несовершеннолетие.

Инесса была всегда откровенна сама с собой. Да, она совершила убийство, но ничего не почувствовала. Раскаяние? Нет. Найдя приют у старого одинокого профессора, Инесса по ночам воскрешала в памяти моменты, когда тот мужик дергался под ее ногой. Как он мычал и захлебывался в параше. И толстые натруженные пальцы сами скользнули вниз к бедрам, и делали ей еще приятнее. А когда ей хотелось чего-то другого, Инесса врывалась в спальню к профессору, и брала его силой. Буквально стервенея от ощущений, что под ней брыкается какой-то старикашка — будущий криминальный авторитет по кличке Вероломная заходилась дьявольским смехом.

Оказывая сексуальные услуги друзьям профессора, Инесса в перерывах читала. Маркиз де Сад, Леопольд Фон Захер Мазох, философия, Кант, Фрейд. Все те книги, которые считались в то время запретными, и как понимала Инесса — то-

му были причины. Она поняла одно: мораль придумали люди, бога нет, и в мире есть только Она, и все остальное. И лишь в ее интересах делать то, что ей действительно нравится, и наплевать на тех, кто ей пытается сказать обратное.

Свою внутреннюю жестокость Инесса окрестила "свиньей". И ее "свинья" с рождения была привязана к свинарнику. Познав вкус свободы от убийства мужчины, она развязала петлю на шее. Она стала свободной. Жестокой, лукавой, мерзкой, но — свободной. Вместо серого поселка теперь город с его тайными искушениями и извращениями. Долой скучные одежды, когда есть изысканные платья из бархата и шелка, облегающие ее невероятные телеса. Выйдя замуж за воротилу, и через несколько месяцев после помолвки перерезав тормоза в его машине, Инесса унаследовала несколько предприятий, а самое главное — вес в криминальном обществе.

К сороковому дню Инессу доводят сны о прошлом. Каждую ночь она видит свинью у свинарника, и каждую ночь чувствует брыкания пьяного мужика под ногой. Ей настолько становится тошно от кошмаров, что Вероломная предпочитает не спать. Днем она решает проблемы на предприятиях, или от скуки тратит деньги. Ближе к ночи она разгоняет прислугу, и вооружившись бутылкой вина, принимается за уборку. Очищает межплиточные швы в зале, вытирает пыль с рояля, или, рискуя здоровьем, забирается на стремянку, чтобы вытереть хрусталики из чешского стекла на люстре.

Все было бы не так скверно, если бы Инесса каждую ночь довольствовалась лишь ретроспекциями о своем чудовищном прошлом. Но после них она вновь парила над тем придорожным комплексом, а потом просыпалась в слезах. Ее очередной любовник утром покажет ей синяки и скажет, что Инесса во сне стонала и размахивала руками.

Под утро, когда рассвет лишь едва прикоснется к Рысьегорску первыми лучами, Инесса лежит в постели борясь с сонливостью. Мужчина, которого она очаровала деньгами, храпит рядом с ней едва прикрывшись. И если ранее Вероломная раздражалась от мужского храпа, то сейчас она ему благодарна. Чужой храп не дает ей очутиться в лапах странных призраков, рожденных ее воспалившимся сознанием.

— Эта толстуха считает, что она нас придумала...

— Боже...

Бесполые призрачные голоса заполняют Инессину спальню как звон маленьких колокольчиков. Женщина испуганно вскакивает, и первым делом пытается разбудить любовника, опасливо осматривая стены.

— Глупая жирная свинья! — слышится из стены, и второй голос продолжает:

— Сегодня. Тащи свою жирную жопу в ресторан в центре Рысьегорска. У нас есть к тебе дельце.

Инесса хмурится. Разумеется, что она сошла с ума. Никаких голосов из стен не бывает, но она решает себя проверить.

На следующий вечер черная Волга ГАЗ-24-10 останавливается у нужного ресторана в центре. Водитель глушит мотор, а Инесса на задних сидениях взирает через окно на дождь, и в темноте вечера ищет на ощупь зонтик. Пухлая рука в золотых кольцах ползет по сиденью, и вначале натыкается на пистолет, а затем на маленькую сумочку с импортной косметикой. Инесса громко ругается, и просит водителя включить в салоне свет.

— Я опаздываю, черт бы тебя побрал, сволочь. — ворчит женщина, слепо ощупывая пол под толстыми ногами в лакированных туфлях на высоком каблуке.

— Так лампочка не работает, Госпожа. А фонарика не взял. — почти шепчет от страха мужчина за рулем. Он буквально сжимается, когда огромная тучная женщина на задних сидениях начинает злобно пыхтеть и яростно хлопать ладонями по обивке волги.

— Я сейчас тебе глаз на жопу натяну, и сделаю фонарик! — говорит Инесса низким утробным голосом, — Ты знаешь, сколько я потратила времени на прическу? Я уже опаздываю из-за тебя.

— Любезная, ну давайте я вас провожу до ресторана, а над вами свой плащ подержу? Только не злитесь.

Женщина еле еле выбирается из машины, и та будто свободно вздыхает, избавившись от тяжести двухметрового пышного тела. Водитель — усатый худой мужичок лет тридцати пяти тут-же выскакивает в дождь, впопыхах снимает

плащ, и встает на цыпочки, еле дотягиваясь до гигантши. Он держит над ее высветленной головой плащ как навес.

Женщина вначале ощупывает свои коротенькие волосы залитые лаком, одергивает вульгарное платьице в горошек, и зажав в наманикюренных пальчиках папиросу, идет к двери ресторана. Мужичок еле поспевает за ней, укрывая ее прическу от ненастья.

— Жди меня в машине. — говорит Инесса, и открыв дверь, проходит в бархатное красное нутро ресторана, из которого доносится музыка и пьяные голоса. Потушив сигарету в кадке с цветком, она проходит вглубь зала, выглядывая накрашенными свиными глазками две знакомые фигуры.

Посетители ресторана смотрят на нее — огромную и неистовую, с крупным носом и тонкими алыми губами — и от греха подальше сразу же прячут глаза. Те, кто бывает здесь по темным делам знают, что лучше с ней не иметь никаких разговоров. Инесса Водометова, или более известная в криминальных кругах как Вероломная — удивительно уверенно держащая равновесие и имея какую-то невесомую грацию на тоненьких каблуках, садится за самый дальний столик, скрытый от посторонних глаз ширмой. На стол она грохает свою сумку, и снова закуривает, оценивающе вглядываясь в близнецов, что сидят напротив нее.

— У меня не так много времени, если вы решили морочить мне голову всякими глупостями, — говорит она, не сводя глаз со своих собеседников. Близнецы холодно друг другу

улыбаются, а затем смотрят на нее, чуть приспустив солнцезащитные очки. Инесса видит, что у них нет зрачков, лишь белесая дымка в обрамлении черных густых ресниц. И еще замечает, что близнецы будто бы немного прозрачные, словно сотканные из паутины.

— Глупости? — еще шире улыбается один близнец, потирая худые бледные руки с отросшими ногтями, — Мы тебя выбрали для ответственного дела, с которым справится человек с незаурядными способностями. Повторимся — человека.

— Человека с голодом по власти, — подхватывает второй близнец. Откинув длинные пряди волос с бледного костистого лица, он дыханием запаляет кончик сигареты, и сначала подносит ее к бледным губам брата. Тот затягивается, и выдыхает дым Инессе в лицо.

— Я слышала, что олух, который управляет гостиницей на Рысьей горе не справляется. По любому вы как-то в этом замешаны. — выдает Вероломная, нисколько не впечатленная фокусами близнецов.

— Грядут великие перемены, — говорят божественные братья, — Мы чуем смуту, лихие времена. И мы заинтересованы в том, чтобы то место стало чем-то большим, чем ночлегом для валютных шлюх...

— Одной из которых ты была, — коварно улыбается второй, — А тот "Олух" не справляется. В нем мало силы, и еще меньше намерений расти.

— Ты возьмешь все в свои руки, — вещает близнец с сигаретой, — Устроишь свою империю, и все заработанные деньги будут твоими деньгами.

— А вам то с этого какая выгода? — спрашивает Вероломная.

— А с того, грязная свинья, что мы кормимся от того места.

— И в отличие от тебя не жиреем.

Близнецы тихо смеются, и одновременно снимают очки. Они скидывают с плеч черные ткани в которые были закутаны, и полностью голые, протягивают Инессе руки.

— Ты согласна?

Вероломная плюет в руки, и растирает слюну. Затем дотрагивается до рук близнецов, и те, заливаясь дьявольским смехом, начинают медленно подниматься в воздух. И левитируя над потолком под лепниной, они, словно два жутких призрака, кричат:

— Сделка состоялась!

Инесса, в криминальном мире более известная как Вероломная дергается, и обнаруживает себя на задних сидениях волги. Потерев щеку, она смотрит в окно, и видит, что двери ресторана давным давно заколочены досками, а окна зияют острыми зубами выбитых окон. "Сделка состоялась" — улыбается она про себя, и приказывает водителю ехать за город, к гостинице "Рысья гора".

Впервые в жизни Инесса ощущает себя как дома. Не как в поселке, не как в квартире мазохиста профессора, и даже не в огромном доме покойного мужа. Стоило ее каблуку соприкоснуться с трещинами на старой парковке перед невзрачной гостиницей, как ее мясистое тело будто накрывает волнами тепла. Коварные свиные глазки изучают скалы и лес — в точности такие же как и во сне, и Инесса сначала размышляет над тем, чтобы снять здесь номер и просто побыть наедине с собой. Поразмышлять над жизнью, отправить водителя за вином и сладостями, но ветерок на парковке будто подгоняет ее ближе к бензоколонке, ближе к хвойному лесу. Она ощущает запах смолы и бензина. Хорошо.

Близнецы, эти бесстыжие видения, не оставили ей никаких инструкций по захвату гостиницы. Должна ли Инесса ее выкупить, или же воспользовавшись силой — отобрать. Она проходит внутрь кирпичного здания, отмечая для себя бедность убранства — на входе старый ковер истерт до состояния тряпки, потрескавшийся коричневый кафель кажется грязным, а обшитые вагонкой стены отливают маслянистостью, будто это и вовсе не ресепшн, а кухня дешевой забегаловки, в которой лет тридцать безостановочно жарили что-то жирное и вонючее.

Постучав коготками по столу из ДСП и разбудив администратора, Инесса вопрошает:

— Кто здесь самый главный?

Администратор, худенький молодой человек в белой ру-

башке и с пуговицами, пришитыми черными толстыми нитками, поправляет очки, и говорит:

— Александр Наумов. Он сейчас в кабинете. Вы хотите остановиться, гражданочка?

— Где кабинет?

— Там, за лестницей, только...

Не успевает молодой человек договорить, как Инесса тучей движется к нужной двери, цокая каблуками по несчастному грязному кафелю. Что же — Наумову Александру сегодня не повезет. В целом, его судьба была и так довольно плачевной, и он подозревал, что только ступив на пост владельца, кто-нибудь за ним придет. Он ожидал на пороге своего кабинета молодчиков с монтажками и с пистолетами, но никак не огромную пышную даму, от которой веяло чем-то первобытным и вульгарным. Он выпьет с ней вина, он расскажет ей о своей жизни, и до последнего будет верить, что он еще женщинам интересен.

Сначала Инесса испачкает щеку Александра алой помадой, и только потом его коричневый дешевенький пиджак окрасится таким-же красным цветом от поцелуя ножа. Наумов не почувствует боли — вначале лишь щекотание горячей крови, вытекающей из живота. А потом ощущение шока сменится ужасом — он услышит, что Инесса с надменным видом что-то ему говорит, но он никогда не разберет заветных слов. Остатки его тепла согреют выкопанную за трассой могилу. Глаза на веки закроются, и Вероломная подделает

подписи там, где это нужно. Она продаст почти все свое имущество и вложится в придорожный комплекс по полной.

Контролируя стройку, (Инесса снесла к чертовой матери старую гостиницу дабы построить новую, она начинает замечать в окрестностях старуху. Та, словно унылое привидение, бродила босиком вокруг да около. То она осыпала новую парковку солью, то разбрасывала яблоки, порой мешая строительной технике. Когда рабочие начали жаловаться на босую старуху в соболиной шубе, Инесса не выдерживает, и решает ту проучить.

— Угомонись баба, — спокойно говорит старуха, усевшись на бетонные плиты. Инесса готовится схватить ее за седую косу и выволочь с территории прочь, но старуха продолжает, — Тебя сюда отправили Косма и Дамиан. Вот.

Из-за пазухи она достает старую икону с изображенными на ней святыми близнецами. Она продолжает:

— Как хочешь, но я должна здесь быть. Я могу пока поработать уборщицей или горничной, как это было раньше. И еще: Они передали, чтобы всех неугодных ты хоронила по ту сторону трассы без всяких почестей, как собак. А чтобы "заложные" не расползлись, закопай там вдоль всей территории красную ленту. Они все поймут.

Когда старуха представляется Агриппиной, Инесса силится отвести глаза от иконы. Святые, перебирая нить из красных бусин, будто улыбаются. "Они стоят на Рысьей горе" —

думает новая владелица комплекса, а странной старухе кивает. Сегодня вечером она закажет красную ленту, и за одно сунет нос в городские архивы, чтобы изучить историю этого странного места.

Второй пролог.
Тот самый черный конец марта.

Дорога до города кажется Максиму похожей на пытку. Если ад есть, то это непременно дорога от бабушки до Рысьегорска. Двести километров бурчания радио и однотипных пейзажей за окном отцовской машины. А еще родители постоянно спорили на счет детей, и Максима в этих спорах избегали. Их личным бельмом на глазу сейчас был старший брат Славик, которого опять задержали правоохранительные органы за мелкое воровство. Насколько Максим может предполагать (и быть правым в своих суждениях), Славик отказался от поездки к бабушке только для того, чтобы снова сбежать из дома.

Младшая сестра Нина жует чипсы. Она постоянно задевает Максима локтем, и когда тот пытается задеть ее в ответ, она разражается криками, и чтобы ее угомонить, матери приходится с пассажирского сидения отчитывать среднего.

— Мы можем доехать до дома в тишине, ну господи иисусе? Максим, будь умнее, и не обращай внимания на Нину.

— А с какого это хрена он должен терпеть? — заступается

за Максима отец. Средний ребенок в темноте мартовского вечера щурит зрячий глаз на его профиль, мысленно благодаря за поддержку. Но через три песни на радио Нина опять начнет капризничать, и все опять повторится: такая уж семейка Орловых.

Когда они добираются с горем по полам до придорожного комплекса чтобы заправиться, материн телефон разрывается от звонка окулиста. Все слишком плохо для Максима, но мать прикрывает динамик телефона рукой и отходит от машины подальше, когда отец исчезает в минимаркете, чтобы расплатиться за бензин. Максим видит, как мать расхаживает с сигаретой взад и вперед, и мальчик может поклясться, что видит на ее впалых щеках дорожки от слез. Он слышит, как та буквально умоляет телефонную трубку что-то сделать со зрением Максима. Ощупывая сложенную на коленях трость для слепых, Максим Орлов в свои тринадцать лет понимает, что ослепнет окончательно и навсегда.

— Сиди здесь, поняла? — говорит Максим Нине. Он открывает дверь машины и первым делом бросает трость в сетчатый забор, огораживающий парковку для фур от парковки общего пользования. Он выбегает в ночь в сторону пестрого кафе под названием "У Сулико", но обнаружив здоровым глазом там лишь несколько пьяных мужиков, сворачивает ко входу гостиницы придорожного комплекса "Рысья гора".

Наверное для Максима сейчас самое обидное то, что ему не говорят прямо о его диагнозе. Он сейчас не может вспом-

нить его название, но он знает, что болезнь прогрессирует, буквально дожирая зрительный канал левого глаза, и не насытившись — перекидывается на правый. Слепота не так страшна, если с ней смириться. Но Максиму уже тринадцать лет, и он вполне способен услышать вердикт врачей касаемо своего здоровья лично. Обернувшись, он видит на парковке мать, которая говорит о диагнозе отцу. Нина высовывается с задних сидений, чтобы сказать им о том, что Максим куда-то убежал, но они ее не слышат. Музыка из кафе заглушает голоса, и Максим пятится назад, ближе к чернеющей на фоне фиолетового неба скале за гостиницей.

Со стороны слышится что-то жуткое. Мальчик, затаив дыхание, поворачивает зрячий глаз в сторону звука, который раздается внутри припаркованной в тени машины. Там кто-то пытается кричать, и слышатся звуки борьбы. Максим подкрадывается ближе, и через лобовое стекло видит, как в полумраке довольно крупный мужчина насилует девушку, зажав ее рот ладонью.

Тот мартовский вечер в воспоминаниях — будто те самые фотографии в семейных альбомах. Слишком яркие, но с налетом времени. Какие-то чуждые, будто происходящее на фотографиях было лишь в забытом сне. Максим очень надеялся, что со временем эти воспоминания выцветут в его памяти как журнальные вырезки, но стоило ему лечь спать, как первым делом перед сном он вспоминал те жуткие женские крики и сосны посреди валунов. Он даже на ощупь помнил

изумрудные мхи и цвета кости лишайники, хрустящие под его ботинками на застежках-липучках. Он помнил тот прохладный черный вечер во всех тонах и оттенках, хотя мог смутно припоминать прошедшие сутки. И те голоса, которые звали его к себе.

До случая на Рысьей горе он уже ходил слепым на один глаз, и постоянно щурился зрячим глазом. Болезнь прогрессировала, и все областные офтальмологи выдавали лишь один неутешительный вердикт — полная слепота. Максим даже начал изучать азбуку Брайля, и завязав глаза изучать обстановку в квартире на ощупь, чтобы запомнить расположение мебели. Для тринадцатилетнего мальчика это было забавной игрой в выживание, но Максим не видел, как родители смотрели на него и уже смирились. Они смирялись со слепотой среднего сына даже сильнее, чем он сам. И когда все стало понятно и точно, они переключили все свое внимание на Нину. Они просто хотели убедиться, что болезнь не ослепит и младшую дочь, но лишь потом Максиму стало ясно, что на нем просто поставили крест, как и на старшем брате.

Еще до того случая на Рысьей горе Максим ощущал себя брошенным. Особенно, когда отец начал откладывать деньги на будущее Нины. Славик, если он появлялся дома, прежде чем пропасть окончательно, шутил над Максимом, мол теперь его будущего для родителей не существовало. Семье Орловых не привыкать выкидывать из своего гнезда птен-

цов, и Славик тогда сказал, что уж лучше тогда быть вороной, чем орлом. Максим взял это на заметку, и больше он Славика не видел.

***

Тот черный март. Когда Максим стал свидетелем изнасилования, он хотел рвануть бегом к родителям, но со стороны леса он услышал голоса.

Мальчик обернулся, думая, что зовут не его. Но за гостиницей он был один, посреди мусорных баков и будки с генератором. Перед ним возвышался скалистый холм с вековыми соснами, и Максим решил, что было бы неплохо подняться наверх и побывать на тех самых руинах мужского монастыря, о котором все так говорили. Странно, но испуг куда-то исчез, и Максим абсолютно спокойный пошел по крутой вытоптанной тропинке, змеящейся между валунами и толстыми корнями сосен и елей. Он шел к призрачным голосам, которые звучали будто внутри его сознания, а не откуда-то извне. Эти голоса успокаивали, и приказывали ничего не бояться. Шептания убеждали мальчика в том, что он не задержится надолго, и что семья не будет его искать.

Максим поднялся на самый верх, и очутился на небольшой поляне, окруженной деревьями и уже более крутыми скалами. Оглядевшись, он не увидел ничего необычного. Но голоса прозвучали снова и совсем рядом.

Он повернул голову в сторону плоского валуна, и ветер

затих. Шум трассы исчез, птицы замолкли, а колени сделались вдруг настолько слабыми, что Максим чуть не упал.

Сердце забилось так сильно, что дышать стало тяжело. На лбу выступили крупные капли пота. Мальчик, буквально умирая от заново нахлынувшего ужаса, уставился единственно зрячим глазом на близнецов, что гордо восседали на плоском камне, и с любопытством смотрели на него.

"Ближе" — раздался шепот в голове ребенка, будто обдав жарким дыханием его мозг. Мальчик сделал несколько шагов, и вдруг и без того темное небо стало черным. Но все окружающие предметы все равно были озарены едва заметным свечением. Сердце сменило темп на ровный, дышать стало легче.

— Не бойся. — будто прошипел один из близнецов, обнажив зубы изображая улыбку. Несмотря на то, что ветер стих, длинные черные волосы близнецов развивались, как и их странные черные бархатные ткани, в которых они едва прикрывали свою наготу. Болезненно бледные и худые тела, украшенные драгоценностями. Рубины, изумруды, десятки нитей жемчуга на их длинных изящных шеях. Максим ощутил их запах: смесь ладана, перегара, чего-то клубнично-сладкого, и будто чего-то подгнившего. Эссенция их тел, их ауры.

— Тебе нечего бояться. — прошептал второй. Мальчик заметил, что у близнецов были маленькие женские груди, и какие-то непонятные жуткие глаза. В обрамлении черных

ресниц, и совсем без зрачков, их глаза походили на лунные камни, едва отливающие божественным голубоватым светом.

И когда ноги у мальчика подкосились, он упал в траву, но не смел отводить взгляд от этих невероятных существ. Они смотрели на него с хитрыми улыбками излучая невероятный свет. Их груди, их хищные оскалы... Ворона ощутил вожделение столь непрошенное и грязное, что ему захотелось умереть, лишь бы не пачкать близнецов своим похотливым взглядом. Он испытал почти такое же возбуждение, какое испытал, из любопытства посмотрев на кассете отцовское порно. Жуткие слияния тел, где близко показывалось то, о чем было даже омерзительно думать. Прикрытое лишь помехами кассеты, и давним временем съемки.

Он ощутил такое-же грязное возбуждение как от тех кадров, только в тысячи раз сильнее. Глядя на близнецов Максиму показалось, что его и без того многострадальные глаза сейчас вытекут вместе со слезами.

И они задали лишь один вопрос. Они спросили, чего он бы хотел. И Мальчик ответил:

— Видеть.

И когда он очнулся уже в реанимации, он с удивлением обнаружил, что видит лица врачей четко, и обоими глазами. Затем Максим заплакал так сильно, что пришлось прижать руки к лицу.

***

Его лечащий врач объяснял это явление галлюцинациями, появившимися на фоне шока от увиденного насилия и предобморочного состояния.

— Ты просто устал. — говорил доктор, вызвав Максима к себе в кабинет. — Твой мозг сгенерировал этот образ близнецов. Ты же был при смерти. А люди при смерти видят белый свет в конце тоннеля, ангелов...

— Как вы тогда объясните то, что я стал полностью зрячим? — задал вопрос мальчик.

Психиатр поерзал в кожаном кресле, и сделал вид, будто вопроса не слышал. Уткнувшись носом в папку с историей болезни Максима Орлова, он иногда поглядывал на подростка с подозрением, когда тот пялился на мужчину откровенно, практически не моргая.

— У меня шизофрения? — снова задал вопрос пациент.

— Нет. Просто у тебя повреждение мозга. Острое нарушение мозгового кровообращения. Кровь застоялась в сером веществе, в результате чего некоторые нейроны отмерли. Тебя не могли найти шесть часов.

— Мне сказали, что меня нашли глубоко в лесу. Но я не помню, чтобы я туда шел. Я был на месте, где сгорел монастырь.

— Такое бывает. — сказал психиатр. — Что ты сейчас чувствуешь?

Максим пожал плечами, и скрестив руки на груди пораз-

мышлял, а стоит ли говорить правду? Он пролежал в детском отделении два месяца, и ему ужасно здесь надоело. Целыми днями он спал из-за препаратов, которыми его пичкали как гуся яблоками, а по ночам пялился в зарешеченное окно, и от скуки продумывал план побега. Так дальше продолжаться не могло. И потому он заверил, что чувствует себя в порядке. Еще он сказал, что скорее всего врач был прав насчет галлюцинаций.

За Максимом понаблюдали еще неделю, а потом выпустили. Очутившись дома, он первым делом побрил голову налысо отцовским триммером, и принял горячую ванну. Затем долго разглядывал себя в запотевшем зеркале, с удивлением обнаружив, что он стал выглядеть гораздо стройнее, чем был ранее.

Отец что-то говорил об учебе. О том, что Вороне (Максим сам дал себе такую кличку) надо засесть за книги, и наверстать упущенный материал. Мать настаивала о повторном обследовании зрения, а Нина лишь косилась на него как на незнакомца. Глупости! Слушая болтовню родителей, Ворона с удивлением обнаружил, что их бредни ничем не отличаются от услышанных им бредней в психушке. Какие-то условности, правила. Что вообще случится с миром, если он не вернется в школу? Или, к примеру, не спрыгнет с восьмого этажа, постаравшись приземлиться на отцовскую "деловую" машину?

Как и Ворона — родители тоже изменились. Ну разумеет-

ся — сын, которому они были рады вручить трость и черные очки — чудесным образом исцелился. Теперь нельзя списать на инвалидность свою халатность, и Ворона осознал, что его отец и мать как родители знатно проебались. Он все прекрасно понимал, но ему было обидно осознавать, что его списали со всех счетов. Нине нанимали репетиторов, записывали во всякие кружки, дарили хорошие подарки, когда о Вороне вспоминали лишь тогда, когда им позвонит классный учитель по поводу прогулов. Отец отчитает его просто для вида, а мать забубнит о том, что так он не сможет построить себе будущее. И помимо всего этого им приходилось искать Славика и развешивать его фотографии по столбам. Как бы там ни было, старший братец поступил очень мудро, окончательно покинув орлиное гнездо. Где он сейчас, и жив ли вообще — никому не известно.

Будущее? Как только Ворона думал о будущем, то мыслями доходил до логического завершения этого будущего — смерти. А он уже умирал. Он знает, что по ту сторону неба и вовсе нет, и тишину разрывают лишь легкий звон украшений Близнецов. Удивительно, но такое послесмертие ему казалось куда более привлекательным чем жизнь. Может психиатр был прав насчет галлюцинаций, но не вина Вороны в том, что иллюзии оказались куда занимательнее реальности.

Реальными были только те ребята с улицы и его новый друг Бруно. Бруно если и врал, то делал это напоказ, особо не парясь по поводу того, поверят ему, или нет. Осталь-

ные люди походили на манекены, которые одеваются в сотни одежд, чтобы за ними спрятать пластиковое нутро. Куртка из "что скажут на работе", платье из "нужно помыть пол, а то грязно". Десятки тряпок нижнего белья из "это извращение", "если узнают — не поймут", и прочих глупостей. Ворону так утомляло рыться в этих чужих слоях, что он даже научился от них закрываться. Достаточно было надеть наушники, закурить, и посмотреть на что-то другое. И тогда примитивные червеобразные чужие мысли стихали.

Его психиатр в психушке назвал бы это субличностями, но Ворона бы не решился спросить; а какого хрена эти субличности копошились в его бритой башке?

Бруно состоял из куртки "я неудачник, ебаный в рот", майки "надо найти себе телку", и штанами в виде размышлений о том, как бы ему невероятным образом разбогатеть. Большее Бруно ни капли не интересовало, и потому Вороне он был понятен и даже приятен. Его единственный лучший друг не "фонил" так, как другие.

Отвязавшись наконец от притворной опеки родителей, Ворона несколько раз ездил автостопом на Рысью гору, в надежде найти близнецов, и вернуть им их дар. Он поднимался на гору, бродил среди деревьев и валунов, но там ничего не было, кроме белок, прыгающих по соснам и елям. Один раз он даже уселся на тот самый плоский валун, и начал мастурбировать, воскрешая в памяти образы близнецов. Их гладкую мраморную кожу, и их неестественные и непонятные

глаза, которые его манили в тот раз. Но божества не появлялись. Ворона не слышал их смеха, не чувствовал их запаха. Они не явились ему даже тогда, когда он вслух проклинал их. А ведь с каждым днем он видел все больше и больше, и слышал то, о чем другие даже стыдились думать.

Глава 1
Хозяйка красных бус.

Шуршание летних трав, и запах выхлопных газов. Красный свет габаритных огней и голубоватый дым сигарет. Черная шелковая лента асфальта пересекает леса и поля, и можно уехать автостопом так далеко, что можно забыть самого себя. Просто собрать вещи в рюкзак и выскользнуть в ночь. Прощайте родители, прощайте друзья. Меня задушили четыре стены, распорядок дня, и тихая медленная смерть в кругу семьи. Прощайте.

Ветерок из приоткрытого окна ласкает лицо Вороны, и он прикрывает глаза, чтобы ощутить его прохладу. Они едут напиваться на Рысью гору, и само предвкушение праздника на вкус такое же сладкое как канун нового года, как начало летних каникул. Сосны на обочине федеральной трассы похожи на стражников — они приговорены караулить проезжающие фуры и автомобили целую вечность.

– Ворона, мы должны сегодня напиться. – говорит Бру-

но, выжимая из своей полусгнившей серой тридцать шестой "Бэхи" всю скорость, на которой та только могла волочиться по раскаленному июнем асфальту. Ворона смотрит в зеркало заднего вида и подмечает, что позади уже собрался целый караван машин.

И Бруно бьет кулаком по рулю. Кулаком, на костяшках которого ссадины от частых драк никогда не заживают. Ворона говорит:

– Чел, какого хрена?

– Блять, я ненавижу это сраное ведро на колесах.

– У тебя нет денег на новое ведро на колесах, так хотя бы побереги старое.

– Да завались ты!

– Сам завались, блин.

Ворона улыбается. Будучи пятнадцатилетним пацаном, в округе он единственный, кто без последствий может послать Бруно. И как оно водится во всяких таких кругах, то если боятся самого отбитого придурка на районе, то будут и бояться того, кому этот придурок приходится лучшим другом. Ворона может точно сказать, что этот чувак ни с кем не может нормально общаться кроме него, даже несмотря на разницу в пять лет. Да, он еще встречается с такой-же отбитой девчонкой, но вся их "любовь" заключается только в совместной попойке, чтобы потом быстренько потрахаться на задних сидениях машины за городом.

Он достает из наплечной сумки сигареты и закуривает.

Полностью опускает ветровое окно и высовывается, чтобы попялиться на себя в зеркало. Бритая голова, большие равнодушные глаза, и скулы как у узника Аушвица. Ворона, сощурив глаза от потока воздуха, гладит себя по бритой голове, и трогает железные украшения в бровях. Ему становится холодно. Особенно когда ты сидишь в драном свитере на голое тело, и в таких-же драных джинсах, украшенных булавками. И любуясь собой, он задается вопросом: а до какой степени нужно похудеть, чтобы превратиться в мумию, которую он видел в учебнике по истории?

Бруно отбирает у Вороны выкуренную на половину сигарету, и сует ее в свою вечно матерящуюся пасть без трех зубов. Рыжая бородка, и почти бронзового цвета волосы сальными завитками торчат в разные стороны. На татуированной шее брякают цепи, незастегнутая клетчатая рубаха обнажает пирсинг на пупке и сосках. Джинсы – почти такие-же рваные как у Вороны.

– Брателло, будь другом. Найди в бардачке диск с Филом Коллинзом. Там была песня про тёлку, которую так никто и не снял, – просит водитель, выплюнув окурок в окно.

Ворона рыщет в бардачке, но находит только испачканные документы на машину, пустые упаковки от презервативов, и коробочку от ламп для фар.

– Нету тут Фила Коллинза.

– Ну супер. Значит спиздили.

Они едут в придорожный комплекс "Рысья гора", чтобы

в разгар дня напиться, и от нечего делать – по откисать где-нибудь на скалах, занимаясь всякой хренью. Ворона думает, что это совсем даже неплохая альтернатива тому, чтобы сидеть дома и бездельничать. Мать с отцом уже давно не интересуются его жизнью, и потому можно вытворять все что угодно. Приходить пьяным поздно ночью, или же вовсе не приходить. Или обставлять свою комнату вещами, в которых Ворона находит что-то прекрасное: старые пластинки на стенах, плакаты, чучело совы украденное бог знает как в одном из музеев города. Книги с непонятным содержанием, искусственные цветы с кладбища. Ворона редко меняет постельное белье, и ему нравится, как пахнет под одеялом. Потом и дешевыми духами. Сигаретами и пролившимся пивом по акции с ближайшей пивнушки, которое ему покупал Бруно.

Дома у Бруно было не лучше. Там всегда пахнет куревом и наполнителем для клетки с двумя белыми крысами. У одной отсутствует хвост и ухо, а вторая краса слепая, и постоянно сидит в углу клетки.

– Я отжал их у какого-то придурочного садиста. – хвастался Бруно.

И Ворона знает, что эти крысы на самом деле значат для него. А еще знает, что не смотря на всю показуху, Бруно было всегда хреново. Ворона видел, как тот в моменты срывов валялся на полу в комнате, и проклинал свою жизнь. Квартирка от умершего отца вмещает в себя хлам и крики, а старая серая BMW постоянно жрет деньги и масло. У Бруно не

было постоянной работы, и в целом он даже не понимал, чего хотел от жизни. Потому он пил с Вороной, устраивал драки, или пытался впечатлить доставшейся в наследство развалюхой девушек Ворона все это понимал, но никогда не давал знать об этом другу. А всему виной было их паршивое прошлое, беспомощность в попытках что-то изменить, или сбежать. Ворона не хотел смущать Бруно откровенностями, которые он так ненавидел. Он сильно смущался, и предпочитал об этом не говорить. К тому же у Вороны это был единственный близкий человек во всем мире, и такая связь хоть чего-то да стоила, и он не хотел ее терять. И даже боялся этого.

Наконец-таки они добираются до Рысьей горы, и кружат по парковке, чтобы найти место, где оставить машину. Затем они сдаются, и Бруно ругается на гребанных туристов. Он паркует свою колымагу за углом стоянки для фур, и выходит, потерев плечи.

– Охренеть как жарко, да? – выдыхает он.

– Могло быть и теплее, – отвечает Ворона, снова закурив. Вдруг что-то заставляет его взглянуть под ноги, и он видит сотню, а то и больше красных бусин. Как красиво! Он падает на колени, чтобы собрать их, но при первом прикосновении к ним – замирает.

– Э, дружище, ты норм? – беспокоится Бруно, закрывая машину.

Ворона снова касается бусин, и поворачивает голову в сторону гостиницы, за которой возвышается невысокая скала,

заросшая соснами и елями. Что-то падает на раскаленный асфальт, и тут-же испаряется. Шмыгнув носом и вооружившись банданой повязанной в петельках джинс вместо ремня, он собирает бусины, и изучает траву, в которую могли бы закатиться другие стеклянные красные шарики. День сегодня – ужасно яркий, светлый, без единого облачка на светло-голубом небе. Ужасный день.

– Э, панки! – слышат Бруно и Ворона за спиной. – Вы не видели здесь девчонку с черными волосами?

К ним подходит невысокая азиатка, и Ворона прячет бандану с бусинами за спиной. Девушка делает звонок, и слышит мелодию откуда-то с канавы. Видимо, её черноволосая подруга потеряла телефон.

– Какого хрена ты делаешь? – возмущается Бруно.

Азиатка кое как спускается на каблуках в канаву, и находит телефон. Чертыхается, и затем еле забравшись обратно на ровную поверхность, говорит:

– Придурки, гранж уже не в моде.

И убегает в сторону гостиницы.

– Здесь всегда происходит какая-то хрень, – говорит Бруно, растерянно пожав плечами.

– Да уж точно, – вздыхает Ворона, прогнав мысли о белесых глазах. Он завязывает бандану в узел, и швыряет находку на дно наплечной сумки, которая болтается у Вороны на ремешке почти у колен.

– А та узкоглазая ничего такая. – ухмыляется Бруно. –

Ладно, пошли. А то опять начнешь медитировать на стекляшки.

В кафе "У Сулико" они покупают две полторашки разливного пива, немного закуски, и идут в сторону скал. Поднимаются по узкой натоптанной тропинке наверх, огибая валуны и вековые сосны. Натыкаются на экскурсовода с группой туристов, и Ворона улавливает старую городскую легенду о том, что тут на месте сгоревшего мужского монастыря очевидцы видели привидений и все такое. Идиоты! Ворона видит, как обыватели зачарованно фотографируют на свои дешёвые мыльницы каждый квадратный метр, и шепчутся о призраках и о том, чего бы им поесть вечером.

Бруно забирается на плоский валун, и открывает бутылку пива. Жадно глотает, а потом громко рыгает. Ворона разглядывает островок пестрых искусственных цветов у подножия валуна, будто кто-то решил сделать здесь подобие могилы. Он делает глоток пива и вздыхает. Даже несмотря на красоту этого места, здесь все пропитано страхом и тоской. И именно здесь Ворона чуть не умер два года назад. И, как он уже успел почувствовать, прямо под этим валуном была похоронена девушка. Она навязчивой и пестрой мыслью крутилась у Вороны в голове какое-то время, а потом исчезла, размахивая своей цыганской юбкой расшитой разноцветными бусинами.

***

Лишь после полуночи Ворона возвращается домой. Он идет среди многоэтажек, омываемый тусклой белой ночью, и холодным светом редких уличных фонарей. Где-то гремят бутылки, откуда-то с девятого этажа слышится пьяный хохот. Спальный район живет какой-то особенной тараканьей жизнью, прячась в сумерках белой ночи, скрывая свое серое бетонное уродство за кустами вечно цветущего шиповника и полудохлой сирени. У каждого подъезда — небольшие клумбы с цветами. Между домами — турники и качели. Трава скошена почти под корень, и потому в ночи пахнет приятно; сенокосом и летней пылью.

Ворона поднимается на скрипучем лифте на восьмой этаж, и как можно тише старается открыть дверь ключом, чтобы из пьяного сна не пробудить родителей. Получается! Словно тень проникнув в просторную четырехкомнатную квартиру, он в полутьме скидывает стоптанные кеды, и крадется в свою комнату. Ворона прислушивается к храпу матери, и принюхивается к ее странным перламутровым снам, в которых виднеются образы беззаботной юности, и счастливого отрочества. Счастливого, пока не родились ее дети; пропавший старший брат Славик,сам Ворона, и Нина.

Раздевшись и забравшись под одеяло, Ворона тянется своим естеством к сновидениям младшей сестры, и чувствует запах яблок по осени, и корицы, которую можно найти где-нибудь на заправке в пакетиках у кофейного автомата, но не та корица, которая используется дома для выпечки. Запах

цветных ароматизированных ручек, и резкий аромат детских духов. Ворона знает, что Нина прячет пачку тонких сигарет за батареей. Повернувшись на бок он задается вопросом, а когда же младшая начала курить? Во сколько лет она начала воровать свои первые папироски из пачки отца?

"Я уже умирал. С меня спроса мало" — думает Ворона, вспоминая инцидент на Рысьей горе, где он с Бруно сегодня напился почти до беспамятства. Два года назад там нашли мальчишку в очках без сознания. Или это были туристы, или местные пройдохи, желающие пощекотать себе нервы столь жутким местом. Ворона точно не знал, но он в деталях помнит, как он там оказался.

Но как бывает во снах, он будто соскакивает в другое воспоминание, в котором старший брат Славик ругался с отцом. Тот пригрозил ему домашним арестом, а мать клялась и божилась, что если братец опять окажется сцапанным полицией, то они больше забирать его не будут. Пусть катится на все четыре стороны. Славик так и сделал. Прошло так много времени, что все свыклись с логичной мыслью о его гибели, но Ворона ощущал, что Славик жив. Быть может, когда Ворона сам решится на побег, судьба чудесным образом сведет его с ним, и тогда они могут сбежать еще дальше, взяв с собой Бруно и его нынешнюю девчонку. Вот была бы компашка!

***

Ворона просыпается к полудню, смакуя памятью остатки своих неспокойных снов. Снова валуны поросшие мхом, шум вековых деревьев за той самой гостиницей. И голоса, которые звали его к себе. Потянувшись, он поднимается на ноги, и одевается в выцветшую футболку и простые штаны. Идет на кухню, где мать что-то готовит, нахмыкивая под нос какую-то идиотскую песенку. Нина сидит за столом в обществе чая и радиоприемника, из которого слышится музыка местной поп-группы. Рисуя какую-то ахинею в телефонной книге, она пялится на Ворону через очки в роговой оправе, и говорит:

— Вчера по телевизору шли "Звездные войны". Ты все пропустил.

— И что? — говорит Ворона, достав чашку с динозаврами, и заварив кофе. Он заглядывает в телефонную книгу, и видит, что Нина рисует два сросшихся лица с пустыми глазами.

Музыка прерывается, и ведущая на радио говорит:

— Погода сегодня жаркая, и синоптики обещают, что так будет всю неделю. Так что запасаемся солнцезащитным кремом, шляпами, и идем отдыхать.

— Мне нужен солнцезащитный крем, — говорит Нина.

— Господи, зачем? Ты итак из дома не выходишь. Вон твой братец бледный как бог знает что, — отвечает мать. Она встает из-за стола, и закидывает в кастрюлю порубленную зелень.

— У "братца" вообще-то есть имя. — бубнит в чашку Ворона, косясь на рисунок двух лиц.

— Какой смысл тебя звать по имени, если ты на него не откликаешься? И вообще, когда ты перестанешь приходить домой по ночам? В городе опасно.

— Не опасней, чем где-то еще. — он вздыхает, и спрашивает сестру, — Что за хрень ты рисуешь?

— Близнецов.

— Отец тебе велел сегодня остаться дома, — говорит мать, — Это тебе как воспитание, потому что он сегодня утром был зол на тебя.

— Вы уже опоздали минимум на десять лет с моим воспитанием, так что не говори ерунды.

— Замолчите, иначе я пропущу шоу Ахоры. — кричит Нина, поднося динамик приемника к уху так близко, что он стукается о дужку очков.

Ворона закатывает глаза. В центре города он видел не один рекламный щит с Ахорой — высокой гламурной блондинкой, и с указанной радио-волной, на которой можно послушать ее шоу. Там она или дискутирует сама с собой, или принимает звонки от фанатов (Нина каждый раз звонила, но ей так и не удалось поговорить со своей любимицей), и включала песни местных музыкантов, довольно часто выступая как интервьюер. Нина от всего этого была в невероятном восторге. Ворона даже думал, что она хочет стать Ахорой, будучи являясь ее полной противоположностью: очка-

стой двенадцатилетней толстушкой против роковой красоты этой женщины с накаченными сиськами и губами. "Я бы ее поимел" — говорил Бруно, видя ее лицо на рекламных щитах.

Когда мать встает чтобы налить чашку зеленого чая, она исподлобья смотрит на проколотые брови Вороны, и замечает, что из-за них взгляд у него очень агрессивный.

— Нет чтоб волосы отрастить, и ходить как нормальные люди. Столько одежды тебе куплено, а ты или ее рвешь, или вообще не носишь.

— Господи, — взвывает Ворона.

— Нормальные дети себя чем-то развлекают, а не ходят пьянствовать с какими-то отбросами общества.

— Я и есть отброс общества.

— Отец бы тебе сейчас как дал по лбу за такие слова. — возмущается мать. — Какой ты отброс общества? У тебя что, дома нет? Ты голодный ходишь? Мы тебя устроили в хорошую школу, кормим, обуваем.

— Вам достаточно того, что я учусь. В остальном я волен делать то, что мне хочется. — бурчит Ворона, посмотрев исподлобья на Нину.

Неожиданно для него, девочка заступается за Ворону:

— Он и так чуть не умер, и чудом выжил.

Ворона поджимает губы в сдержанной улыбке, и возвращается в свою комнату. Включив диск Dead can dance, он ложится в постель, и понемногу растворяется в музыке.

***

Бруно — откровенный бабник. Если он не ковыряется в своей машине, то сидит на сайтах знакомств, и пытается закадрить какую-нибудь дурочку, которая купится на его маскулинность, опасность, и наличие хоть какого-то транспортного средства. Но месяц назад Бруно нашел себе девчонку с незатейливым именем "Валюха", и эта Валюха уже сидит спереди не пристегнувшись, и тычет пальцами в едва живую магнитолу.

— Сейчас никто не слушает компакт-диски, — говорит она.

— Да блин, у тебя есть деньги, чтобы купить мне новую магнитолу? — возмущается друг, шлепнув ее по рукам. Валюха оставляет в покое магнитолу, а потом поворачивается на задние сидения, где трупом лежит Ворона, взирая на обивку салона.

— А ты типа его младший брат, да? — спрашивает новая мадам. Ворона смотрит на нее, и отмечает, что девушка агрессивно красива, похожая на Азию Ардженто, или вроде Марион Котияр.

— Типа того. — отвечает он.

Они едут за город на озеро, чтобы искупаться, и просто провести время у воды. В машине уже пахнет потом и дешевыми духами Валюхи. Ворона садится, открывает окошко, и достает из сумки банку с энергетиком. Затем выуживает

бандану с найденными бусинами, и пока не решается ее развязать.

— Э, лысая бошка ростом с пол вершка. Дай хлебнуть. — говорит Бруно.

— Пошел в жопу. Я потратил последние украденные деньги на этот энергетик.

— Тогда подари Валюше те бусины, которые ты нашел вчера.

Черные глаза Валентины начинают сиять любопытством, и она вновь оборачивается к Вороне, чтобы увидеть украшение. Но Ворона показывает ей средний палец, и зажав энергетик коленями, медленно развязывает бандану. Шум города, шум машины, и возня на передних сидениях уходят на второй план, когда алые отблески стеклянных бус завораживают взгляд Вороны.

— Твой младший брат показал мне средний палец. — жалуется Валюха.

— Забей. Он не мой младший брат. Он сегодня не в духе. Хотя он каждый день не в духе, но я уже привык. — отвечает Бруно.

"Сегодня утром в центре Рысьегорска была обнаружена молодая девушка с..." — вещает радио прерываясь на белый шум. Машины сигналят на пробках ближе к выезду из города. Ворона касается бусин и вздыхает. Странное ощущение грусти и скуки по кому-то или чему-то одолевает его. Радио говорит:

"... Пришитыми к голове срезанными человеческими лицами. Жертва скончалась по дороге в больницу от остановки сердца. Следствие устанавливает... "

— Опять какие-то ужасы. Ворона, ты слышал? Нашли какую-то чувиху, к голове которой пришили чьи-то срезанные лица. Охренеть, да? — восторженно поднимает голос Бруно.

— Как теперь на улицу выходить? — задается вопросом Валюша, но ее голос звучит так нудно, что не понятно, испытывает она страх, скуку, или избыток хромосом.

Ворона ищет в сумке капроновую нить, и собирает бусины в единое целое, пытаясь как-то абстрагироваться от накатившей на него тоски. Валюха наконец-то разбирается с устройством магнитолы и включает музыку, которая будто изгоняет ужасы Рысьегорска прочь из машины, оставляя предвкушение перед отдыхом.

Но Ворона ощущает — что-то должно произойти.

***

Какие-то панки тусуются у гаража Бруно. Самого Бруно нигде не видно, но Ворона видит знакомые лица, и устало с ними здоровается. Здоровяк в наколках по кличке "Бык" легонько стукает Ворону кулаком по плечу, и говорит:

— Ну, как оно, чел?

— Хреново. — отвечает Ворона, заглядывая в захламленный гараж. Какая-то телка внутри протирает машине фары своей пестрой юбкой.

— Малой, курить есть? — спрашивает здоровяк. Мальчик раздраженно смотрит на громилу, на его толстые татуированные руки, на бороду с косичками, и блестящую на июньском солнце потную лысину. — Да ладно, забей.

— Где Бруно? — спрашивает Ворона.

— Я здесь, Мелкий. — раздается голос откуда-то из под машины.

— Только не говори, что твое ведро сломалось.

— Сломалось. — вещает голос из под серой Бэхи.

— Охренеть как тут грязно. — восклицает телка, тупо разглядывая свой испачканный подол юбки.

Ворона отходит подальше от компании, и садится на кирпич под кустом полыни. Роется в сумке, и находит старый портсигар украденный в антикварном магазине. Разумеется, сигарет в нем нет, но есть какие-то чеки, наклейки, и скидочная карта в местной табачке. Ворона разочарованно хватается за бритую голову, и разглядывает в пыли старые окурки, которые он тут накурил неделю назад. Затем аккуратно трогает пирсинг в бровях, и вздыхает. С вчерашнего вечера он не курил, так как отец отобрал его пачку крепкого "Кэмела", смял, и выбросил в окно.

"Старый придурок" — думает Ворона. Он видит, как к гаражу неуверенным пьяным шагом приближается Валюша, расставив в стороны руки для равновесия. Одетая в розовый топик в пятнах жира от макдональдса, с повязанной на бедрах ветровкой.

— Ворона, ты как грибочек под кустиком сидишь. — хихикает она.

— У тебя есть сигарета? — спрашивает грибочек.

Валюша хлопает по карманам куртки, и дает ему тонкую сигарету с яблочным вкусом. Ворона отрывает у нее фильтр для крепости, и прикуривается. Первую затяжку он задерживает в легких как можно дольше, чтобы закружилась голова.

— Где любовь всей моей жизни?

— Я здесь, блин. — раздается голос из под мотора BMW.

— Господи, вы встречаетесь всего лишь месяц. — морщится Ворона.

— Этого достаточно, чтобы полюбить, мелкий. — говорит она, пройдя в гараж. Валюша наклоняется, чтобы под машиной увидеть испачканного в мазуте Бруно. Потом садится в машину на задние сидения чтобы поспать.

Телка в длинной юбке пялится на нее, потом подходит к Быку, и тот целует ее в лоб, прямо в маленькую татуировку полумесяца. В ее огромной копне дред Ворона различает какие-то мелкие талисманы в виде пентаграмм и египетских символов жизни. Телка о чем-то шепчется с Быком, поглаживая его выпирающее под майкой брюхо.

Ворона расслабляется. Головокружение от сигаретки постепенно исчезает, и он принимается за украшение своих рваных протертых джинс булавками. В ожидании чуда когда "Бэшка" заведется, он начинает дуреть от жары, и перебирается на пассажирское сидение машины. Сзади похрапывает

Валюша, уснув в позе эмбриона.

— Мелкий, если ты в машине, то нажми на педаль тормоза. — говорит Бруно. Ворона перелезает на водительское сидение, и жмет тормоз.

Бруно под машиной задумчиво хмычет, и кажется, что это автомобиль что-то обдумывает. Ворона размышляет о том, что если бы у этой груды железа был разум, и если бы она могла говорить, то скорее всего изъявила волю умирающего об эвтаназии посредством поджога, или чтобы ее столкнули с обрыва. Такая старая машина должна умереть эффектно.

— Жопа. — вздыхают внутренности капота. — Нужно покупать запчасти, а у меня денег ни хрена нет. Мне зарплату задерживают.

— Бля. — вздыхает Бык, обнимая свою телку.

— Что сегодня делать? — спрашивает Ворона. — Мне все равно делать нечего, а дома скучно откисать.

Бруно выбирается из под автомобиля и отряхивает задницу. Раздраженно хлопает крышкой бампера, от чего просыпается Валюша.

— Мы тогда пойдем тусить в центр, — говорит Бык. — Раз тачка не на ходу.

— Ну и валите, козлы. — почти срывается на крик Бруно. Задумчиво потерев рыжую бородку, он садится на бампер, и снимает футболку, обнажая загорелую кожу и свои рыжие заросли на груди. — Нормальные друзья не кидают.

— Не заводись, Бруно. Если хотите, можете с нами дви-

нуть. — говорит телка с дредами.

— Ты Валюшу видела? Она видимо всю ночь на вписке откисала. Она ходить не может.

— Ну и хрен то с ней, с этой алкашкой. — машет рукой телка. — Пошли Бык. В жопу их.

— Уроды. — кричит им вслед Бруно. Он оборачивается, чтобы разглядеть Ворону через лобовое стекло, скучающим за рулем. — Не, ты видел этих придурков? Они тусуются с нами только тогда, когда машина на ходу. Разве это дружба?

— Ни хрена не дружба. — заключает Ворона.

— Говно. — вздыхает панк, пнув машину в фару.

***

Дотащив Валюшу до квартиры и уложив ее спать на диван, Ворона и Бруно роются в пепельницах, и делают из окурков самокрутку. Настолько крепкую, что от дыма тлеющей газеты у Вороны выступают слезы. Он садится в позу лотоса у дивана, а Бруно углубляется в игру за компом. Дергая мышкой, он матерится, и нервно отбивает пяткой по линолеуму ритм.

— Валюша мне сообщила, что любит тебя. — говорит мелкий, потушив самокрутку.

— Чел, меня все бабы любят. Это уже не удивляет. — отвечает старший.

— Из всех твоих телок Валюша мне больше нравится, хоть она и не особо умная.

— Чувак, не. Она умная. У нее высшее образование, и она сама мне говорила, что с дур спроса меньше. Вот она и тупит по жизни, и напивается как хрен знает кто. И знаешь, она вначале думала, что ты злобный козел, и что мы ее разыгрываем, мол типа мы не братья.

— Да закройся ты. — равнодушно говорит Ворона, но думает о том, что это наверное круто — быть младшим братом самого Бруно. Целыми днями ничего не делать, ошиваться в гараже, или тусить с неформалами. Такая жизнь нравится Вороне куда больше чем существование по расписанию родителей, из которого он всегда выбивается. Вместо "к девяти чтобы был дома" Ворона появляется дома лишь под утро, или вообще не появляется, ночуя с Бруно бог знает где, или еще где-нибудь. Школу он прогуливал с мастерством какого-то супер шпиона, подделывая отметки в дневнике, или симулируя болезни. Его уже как год лишают карманных денег и прочих благ для подростков, но ему было плевать. Сигарету всегда можно стрельнуть, а на тусовке кто-то да предложит выпить если соврать, что до этого ты никогда не пил. Бруно даже шутит, называя Ворону алкогольной девственницей, и это очень забавно. Ворона может спокойно поспорить с кем угодно, что способен перепить даже Быка.

От нечего делать, он ищет в сумке те бусы, которые он нашел на парковке Рысьей горы. Разглядывая рубиновые переливы стекла, он размышляет о своей давней мечте — сбежать из дома автостопом навсегда. Странно, но эти бусы буд-

то зовут его в путь, толкают на загородное шоссе поближе к заправкам и гостиницам чтобы искать... А что искать? Ворона смотрит на своего друга, увлеченно расстреливающего монстров в компьютерной игре. Он смотрит на укрытую пледом Валюшу, вырубившуюся после бог знает каких ночных приключений. Ворона мечтает о том, чтобы собрать все свои пожитки в багажник Бэхи, и уехать с этими двумя товарищами так далеко, чтобы возвращаться уже не было никакого смысла.

Практически на протяжении недели с того момента, как он нашел эти бусы, Ворона мечтает лишь об этом. Искать. Пребывать в поисках чего-то непонятного. Среди кустов полыни за отбойниками трассы, в отблесках битых стекол в дорожной пыли. Что это? Может быть они как-то напоминают о Славике? Может он в беде? От бус веет тоской о чем-то непонятном, но таком родном.

Ворона надевает на шею свою находку и толкает Валюшу чтобы лечь рядом, чувствуя затылком ее горячее пьяное дыхание. Комната постепенно темнеет, Ворона засыпает.

Ему снится, как Бруно насилует Валюшу на задних сидениях серой Бэхи. Та отчаянно вырывается из под него, кричит. И во сне Бруно затыкает Валюше рот этими бусами, и продолжает яростно двигать бедрами. Зависнув где-то над крышей машины, Ворона пытается разглядеть окружающую темноту за пределами автомобиля, но ее заполняют лишь всхлипы девушки и жуткие стоны Бруно.

Ворона открывает глаза и вздрагивает от отвращения. Это все не правда, думает он. Бруно хоть и мудак, но Ворона уверен, что он не способен применить насилие к девушке. Он прислушивается к сновидениям Валюши, и к своему облегчению не чувствует от нее ужасов изнасилования. Лишь только потерянность и жажду развлекаться столько, сколько это возможно.

***

Вечером они идут на набережную, где собираются уличные музыканты и местные завсегдатаи. Центр города буквально переполнен туристами, какими-то подростками неформалами, пьяницами. Пестрые вывески, проезжающие машины — мешанина шума, цветов, и запахов с открытых дверей кафе и ресторанов. Ворона едва поспевает за быстрым шагом Бруно, и сталкивается плечами с прохожими.

— Ворона, ну поднажми. — говорит старший.

— Сегодня день города чтоли? Почему столько людей? — возмущается Ворона, догнав своего друга.

— Блин. Я не знаю. Но нам лучше поспешить, а то пропустим что-нибудь интересное.

Вдруг откуда-то из за угла раздаются выстрелы. Два едва слышимых, и три громких, отчего толпа прохожих начинает паниковать. Бруно хватает Ворону за рубашку и прижимает к стене, и снова прислушивается. Из двора вылетает на бешеной скорости черная машина, и взвизгнув шинами, исче-

зает в потоке редких автомобилей.

— Бля, кого-то грохнули. — с благоговением выдыхает Бруно, пялясь на Ворону. — Пошли посмотрим, пока менты не приехали.

Все так-же прижимаясь к стене, они сворачивают с главной улицы, и идут в подворотню, откуда вылетела черная тачка. Ворона ощущает, как его сердце колотится от страха, но любопытство куда сильнее инстинкта самосохранения, и пройдя метров десять, они видят красный пикап, у которого возится девушка. Она помогает кому-то забраться на задние сидения автомобиля, и озирается по сторонам. Видя в ее руках пистолет, Бруно останавливается.

В отчаянии девушка пинает колесо пикапа, и взвывает. У нее черные волосы, красная майка, и кожаная мини-юбка туго обтягивающая задницу. Выглядя как очередная жертва любви Бруно, девушка излучает одновременно и опасность, и какую-то сумасшедшую привлекательность.

Она замечает Ворону и Бруно, и чуть поколебавшись, говорит:

— Водить машину умеете? Хотите заработать?

Она убирает пистолет за пояс мини-юбки, и кивает головой на красный пикап. Бруно говорит:

— Я умею водить, но без мелкого я ни...

— Ну так шевелитесь быстрее, вашу мать. — кричит девушка. Она забирается на пассажирское сидение, а Бруно — на водительское. Ворона открывает дверь сзади, но вскрики-

вает при виде лежащего мужчины в крови.

— Ты убила его... — выдыхает Ворона, пятясь назад.

— Быстро забрался в тачку, пока я тебя не пристрелила, твою мать. ЖИВО! — орет девчонка. Ворона кое как забирается на задние сидения, и садится у ног мужчины. Тот стонет, и хватается за руку.

— А куда ехать то? — спрашивает Бруно.

— Сука, очевидно, что подальше отсюда. Моему напарнику подстрелили руку. И держись ближе к выезду из города. Вот. — она роется в бардачке, и швыряет на колени водителю пачку денег. Тот заводит мотор, и гонит так, что город за окном смазывается в пестрое пятно. Девушка разрешает ему ехать на красный, и как можно быстрее, потарапливая его криками.

Ворона, не зная что делать, снимает с себя рубашку, и прикладывает ее к ране мужчины. Тот вскрикивает, и чуть приподнимается. Чувствуя от мужчины пурпурно-алую ауру насилия, подросток извиняется, а потом говорит, что рану лучше чем-то перетянуть, чтобы избежать потерю крови. Мужчина, плотоядно улыбнувшись, кивает на свои джинсы и говорит:

— Тогда сними с меня ремень, и займись делом. — он обращается к девушке спереди. — Сколько ты им дала?

— Пятьдесят тысяч. За услугу водителя более чем. — сухо отвечает она.

— Нужно возвращаться к Инессе, — стонет мужчина,

чуть приподняв задницу, чтобы Вороне было легче вытащить ремень. — И кажется, у меня лучевая кость раздроблена. Ну блять.

— Ты издеваешься? — поворачивается к мужчине девушка. — Что теперь делать?

Мужчина чешет переносицу, и позволяет Вороне перетянуть плечо выше раны. Затем сообщает, что сейчас ему лучше поспать. И этот раненый мужик устраивается головой на коленях Вороны, отчего тот каменеет, и беспомощно зовет на помощь.

— Терпи. Сейчас быстренько доедем, и я вас отпущу, — обещает девушка.

— Это же не ты его подстрелила? — спрашивает Бруно.

— Я бы с радостью, но это сделали другие люди. И я ни одного из них даже не ранила. Ты лучше едь в сторону дачного поселка.

Брюнетка достает телефон, и сообщает в трубку:

— Бля, подруга. Шерхана подстрелили, прикинь? Скажи Инесске, что у нас ничего не получилось. Мне пришлось попросить каких-то парней нас подвести... Да, я заплатила им... Нет, Шерхан к сожалению будет жить. Пуля попала в руку.

— Кто ты такая? — хмурится Ворона.

— Да заткнись ты там.

— Э, ты не собираешься нас с Вороной теперь убить как свидетелей? — беспокоится Бруно. Но девушка возмущенно бьет ладонью по колену водителя.

— Придурок, я добрая. А те уроды были плохими. И вообще не смей отвлекаться от дороги пока ты за рулем.

Ворона большим пальцем стирает со лба мужчины (судя по всему по кличке Шерхан) каплю крови, и чувствует, что от того исходит жар вместе с флюидами злости, и какого-то психопатического наслаждения болью и всей ситуацией. Даже пребывая во сне, этот мужчина видит образ девушки с пистолетом. Буквально облизывает ее своими ужасными мыслями, и вспоминает с удовольствием то, что он уже успел с ней сотворить.

Что-то похожее чувствовалось два года назад на Рысьей горе. С момента клинической смерти Ворона чувствовал подобное лишь пару раз от прохожих, чьи лица он потом узнавал в новостях о пойманных преступниках. Никогда не знаешь, кто идет тебе на встречу, и кто идет за тобой. Однако, Ворона узнает в раненом мужчине того насильника на Рысьей горе.

***

Красный пикап останавливается у открытых ворот двухэтажного дома, где его уже ждет огромная, ростом в два метра женщина с короткими выбеленными волосами, и миниатюрная девушка с золотыми волосами, собранными на затылке крабиком. Когда из машины выходит девчонка с пистолетом, золотоволосая подбегает к ней, и заключает в объятия:

— Пизда, я чуть не обосралась от ужаса. Ты цела?

— Да. Со мной все хорошо. Я сама немного испугалась. — говорит девчонка с пистолетом.

— Девочки, сейчас не время для сентиментальностей, — утробно звучит огромная женщина. Она проходит к машине ближе, и открывает заднюю дверь, обнаруживая Ворону с подстреленным мужчиной. — Мальчик, вылазь оттуда.

Ворона выползает из машины голый по пояс, и встает рядом с Бруно, который уже убирает пачку денег в карман джинс. Женщина оценивает взглядом рану мужчины, а Бруно толкает плечом Ворону, и шепчет:

— Бля, это та азиатка, которую мы видели тогда в придорожном комплексе.

Азиатка щурится явно слыша их, и вкрикивает:

— Придурки. А вы то тут как очутились?

— Нэнси, они помогли мне. — объясняет черноволосая. Она вдруг хмурит брови, пялясь на Ворону. — Эй, пиздюк. На тебе мои бусы?

— С чего бы это они твои? — спрашивает Ворона.

— С того. Давай их сюда. Я потеряла их на парковке у Рысьей горы, когда меня похитили.

— Замолчите! — повышает голос огромная женщина. Она тыкает пальцем на Ворону и Бруно. — Помогите мне перенести Шерхана в дом. Потом я подумаю, что с вами делать.

Когда мужчина оказывается дома, и когда Ворона с Бруно

моют руки от крови, к ним подходит девчонка с пистолетом, и представляется как Мари. Она говорит:

— Бусы.

Она протягивает руку к Вороне, и говорит:

— Я вполне способна узнать свои бусы. Это единственное, что осталось от моих родителей. И я буду счастлива, если ты вернешь их мне.

— Блин, малой. Отдай ей эти сраные бусы. Ты все равно в них выглядишь как педик. — шепчет Бруно, толкнув плечом друга. Тот сдается, и снимает с шеи украшение. Она тутже берет их в руки, и начинает пересчитывать бусины. Затем надевает себе на шею, и достает из холодильника по бутылке холодного пива. — Возьмите. Инесса будет вытаскивать пулю из Шерхана, и если не хотите слышать криков, то можете пока потусоваться на улице.

— Да нам как-то похер. Где тут телек? — спрашивает Бруно.

Ворона открывает пиво, и задумывается над тем, что сейчас происходит. Они сидят на диване и смотрят телевизор в чужом доме. До этого они подвозили какую-то психопатку с пистолетом и ее раненым дружком. И сейчас какая-то гигантесса пытается вытащить из него пулю, пока азиатка ходит кругами по гостиной, и хватается за голову. Что будет с его рубашкой, измазанной кровью какого-то садиста? Как они будут добираться домой?

— Боже, вы выглядите так, будто одеваетесь на помойке.

— морщится азиатка.

— Пошла ты. — отвечает ей Бруно. Он смотрит футбол, а Ворона сидит рядом, чуть прикрыв глаза чтобы успокоиться. Физически он не видит, но слышит, как черноволосая девушка с пистолетом курит где-то на втором этаже, и прислушивается к стонам Шерхана. Ее распирают чувства. Она не понимает, хочет ли она, чтобы Шерхан выжил, или все таки умер?

— Я бы не стала огрызаться в мою сторону. Особенно в месте, где закон отсутствует. Вы хоть знаете, кто эта толстуха, которая мучает Шерхана? Правильно! Вы не хрена не знаете, потому что это — Вероломная. Владелица придорожного комплекса, где вы бухали неделю назад.

— И что? — спрашивает Ворона.

Девчонка вдруг вздыхает, и пожимает плечами. Ее спесь куда-то пропадает, и она садится рядом с ними.

— Если честно, я сама не знаю. Моя подруга увлечена всеми этими криминальными играми, а я просто хочу, чтобы она была в безопасности. Но так как Шерхан водить машину больше не сможет, то придется это делать вам.

— Если будут платить как сейчас. — втавляет Бруно, под конец рыгнув.

— Кто такой Шерхан? — спрашивает Ворона. — Почему мне от него страшно?

Азиатка закатывает глаза, и снова вздыхает.

— Потому что Шерхана стоит бояться. Он сумасшедший

и опасный придурок. Я лично видела как он срезал лица с тех мужиков в заброшенном лагере. Прикиньте? Я чуть не умерла в тот день, потому что мне пришлось ехать с ним, чтобы спасать подругу, так как те трое уродов ее похитили.

Ворона косится на Бруно, и видит, как тот несмотря на показное безразличие чтобы в доску казаться своим — напрягается. Бруно ставит пиво на журнальный столик и ерзает, видимо до конца осознав, в какую ситуацию они попали. Судорожный свет от телевизора высвечивает его беспокойные глаза.

Тем временем с кухни доносятся стоны, и прикрикивания Инессы, чтоб Шерхан не дергался.

Азиатка о чем-то думает, а потом говорит:

— Пирсинг бровей уже не в моде.

Она говорит, сняв крабик с волос:

— Я очень надеюсь на то, что вы адекватные. Хотя бы вы.

Ворона пожимает плечами. Без своей любимой рубашки он чувствует себя голым, каким-то уязвимым. Азиатка куда-то уходит, и Ворона говорит Бруно, что им нужно валить. Что они вляпались по самые уши.

— Да я понял уже. — шепчет Бруно. — Главное делать вид, что мы не боимся. Нас не схватили и не похитили. Значит все хорошо. Как только нарисуется возможность, то мы свалим. Если только та телка с пистолетом нас не убьет.

— Я не думаю, что она нас убьет, — говорит Ворона. — Я чувствую, что ей самой все это не надо.

— Чувствуешь? Может тогда сделаешь нас невидимыми, и мы свалим?

— Когда это ты перестал доверять моей чуйке? — возмущается Ворона. Ему в лицо прилетает какая-то тряпка. Разглядев ее получше, он понимает, что азиатка кинула ему рубашку.

— Оденься. Я украла ее у Шерхана. — говорит она.

Вороне становится дурно. Надевая чужую вещь которая почти ему до колен, он чувствует, как от нее исходит дикая сила, которая словно иголками колет его спину. Эта сила, замешанная на чужой боли. На подавлении воли других. Мужчина, который истекал кровью на коленях Вороны и вправду похож на мультяшного Шерхана. На тигра людоеда, которого охотники ранили, но не смогли убить.

Вдруг Бруно вскакивает, и хватает Ворону за локоть. Таща его к выходу мимо кухни, он кричит:

— Бля, ребята. Идите ка вы в жопу со своей криминальной херней. Мы уходим.

Ворона видит, как Инесса, до этого склонившаяся над Шерханом как древне-египетский Анубис над мумией, медленно выпрямляется. По лестнице медленно спускается Мари, а азиатка устало закрывает руками лицо.

— Я вас что — держала что ли? — вопит гигантша, вытирая руки от крови полотенцем с изображением зайчиков. — Если уходите, то не надо меня отвлекать от пули, ладно?

— В Смысле вы уходите? — возмущается Мари.

— В жопу вас. — будто выплевывает Бруно, и толкая перед собой Ворону, показывает напоследок всем средний палец.

Они бегут прочь от двухэтажного дома, прочь из этого дачного поселка. А когда силы кончаются, они ловят попутку до города. Благо, им есть теперь чем расплатиться.

***

Ворона просыпается на диване с Валюшей, и первым делом пытается осмыслить то, что с ними произошло прошлой ночью. Он гладит рукава рубашки Шерхана, и вначале думает, что по хорошему ее лучше вернуть, но он видит замершего у окна Бруно. Он смотрит в щель между закрытыми занавесками, и тихо про себя ругается.

— Ты чего? — хмурится Ворона, потянувшись за пачкой сигарет.

— Я вижу красный пикап под окнами. Точно такой-же, в каком мы были ночью. Ты помнишь номера? — шепчет Бруно.

— Думаешь, нас выследили? Это же невозможно.

— Невозможно? Та огромная толстуха вчера выковыривала пулю из какого-то мудака, а вторая размахивала пистолетом, пока мы сидели у них дома, и смотрели футбол. Вот это невозможно.

— Может они хотят вернуть деньги?

— И я готов вернуть все до копейки, лишь бы они отва-

лили. — Бруно поворачивается к Вороне, и тоже закуривает. Поправляет колечки в сосках, делает круг по комнате, и снова возвращается к окну.

Ворона снимает рубашку, и ищет в залежах грязной одежды Бруно что-то для себя более подходящее. Футболку, или какую-нибудь толстовку. Шерханову рубашку он комкает и брезгливо оставляет на краю дивана.

— Блин, это не их пикап. — смеется Бруно расслабившись. — Там за рулем сидит какой-то другой мужик. Можем расслабиться.

Он раскрывает занавески, и приоткрывает чуть окно, чтобы впустить свежий воздух. Ворона вспоминает Мари и то, как от нее веяло изнеможением. Эта девушка скорее всего не старше Бруно, но Ворона готов был поспорить, что ей пришлось видеть многое. Это отражалось в ее больших серых глазах, и в том, как она вообще выглядела. У таких красивых как она — судьба всегда роковая. Такие как Мари не живут долго. Но в ней не было столько зла как в Шерхане или в той огромной женщине.

— Представь Ворона. Если они срезали лица у каких то чуваков, а потом пришили их к какой-то телке, то только вообрази, что они смогут сделать с нами? Что теперь делать?

— Я не знаю, Бруно.

Глава 2
Раненый тигр и лисица.

Он смотрел на Мари. И всякий раз, когда она ловила его взгляд — она отворачивалась.

Инессе все таки удалось вытащить из предплечья пулю, зашить рану, и перебинтовать ее, соорудив что-то наподобие гипса, который можно носить на весу. Шевелить пальцами очень больно, особенно безымянным и мизинцем. Разумеется, речи и не может быть о том, чтобы Шерхан снова сел за руль. Красный пикап простаивает во дворе за окном, будто тоже набираясь сил.

Он какое-то время лежит в постели, прислушивается к бряканью кастрюль Инессы из кухни, и едва слышимый шепот Мари и Нэнси на втором этаже. Шерхан вытягивает шею и подставляет ухо ближе к потолку, надеясь услышать то, о чем девочки сплетничают. Он замирает в постели как кот, учуявший мышей на чердаке. Но шепот столь неразборчив, что отдаленно напоминает шелест деревьев, или плеск волн, где-то там, вдалеке. Затем внимание Шерхана привлекает звук проезжающей мимо машины, и он ловит себя на едва заметном движении в сторону прикроватной тумбочки, где лежит пистолет. Автомобиль проезжает мимо, и Шерхан льстит себе, что в свои тридцать три года у него отличная реакция. Пять лет назад он пророчил себе уход от дел, но с каждым годом сил прибавляется больше и больше, зрение становится острее, а слух — идеальней. Эти показатели и раньше были почти на пределе своих возможностей, ведь не

зря в криминальном мире ему дали кличку Шерхан.

Он оттягивает подъем с кровати, и изучает свою обмотанную бинтами руку на предмет сукровицы. Бинты чистые. Спасаясь от жары, он откидывает одеяло, и осматривает свое тело. Крепкое, в меру мускулистое, гибкое. Татуировка чуть выше волосатого лобка "Укуси меня", и трехцветная змея, ползущая по правой ноге. На левой здоровой руке розы в шипах, а на груди — перевернутый крест. Шерхан напрягает ноги, пресс, грудные мышцы. Расслабляет. Прислушивается к ощущениям в теле на предмет каких-либо болей и недомоганий. И когда у него непроизвольно напрягается между ног, Шерхан с улыбкой жалеет, что пуля попала в правую руку, а не в левую.

— Девки, ну еб вашу мать! — визжит на кухне Инесса, превратившись из криминального авторитета и сутенерши в хабалку повариху. — Я долго вас буду звать завтракать?

— Мы не накрасились. — кричит Нэнси со второго этажа.

— Ты перед кем собралась хвостом крутить, засранка? — вопит Инесса в ответ.

— Ой, все. — слышится упрямый стон Нэнси. Шерхан улыбается, и думает с ней поиграть. Выйти завтракать в одних трусах и наблюдать за тем, как казашка будет делать вид, что на него не пялится. Шерхана это позабавит.

Перед тем как выйти, он намеренно оступается и шаркает ногами, изображая перед Инессой недомогание. Садится за стол (намеренно игнорируя Мари взглядом), и вначале тре-

мя глотками осушает стакан с компотом, и облизывает губы. Краем глаза видит, что азиатка смотрит на него, а потом с унылым видом тыкает овсяную кашу ложкой.

— Думаю, я позавтракаю в городе. — говорит Нэнси, едва скрывая брезгливый взгляд перед кашей. — Но компот действительно вкусный. Наверняка там полно витаминов и макро и микроэлементов.

— Хватит нести чушь. — говорит Инесса. — Боишься отравиться?

— Нет. Я боюсь раскабанеть до таких невероятных размеров как ты.

— Мужчины всегда любили таких сочных как я. — отвечает Инесса, ощупав свое тело, и игриво тряхнув задницей.

— Будь я такой "сочной" как ты, то ты бы меня не взяла работать к себе в проститутки.

Шерхан улыбается. Все таки не смотря на назойливость и высокомерие — эта блондинистая выскочка весьма забавная. Эдакая белоручка из благополучной семьи, спустившаяся до простых смертных. Он смотрит на нее и Мари и пытается понять, почему два таких совершенно разных человека дружат. Почему одна готова ради спасения подруги поехать с чудовищем в одной машине, а еще ему помогать? Почему они держатся друг за друга как за последнее, что у них есть?

В случае Мари Шерхан отчасти понимает, ведь у нее кроме шмоток, имени, и прошлого — действительно ничего нет. Нэнси — единственная дочь богатенького папочки, владель-

ца нескольких нефтяных вышек за бугром. Огромный дом, возможности, но эта узкоглазая язва предпочитает жизнь проститутки бездельницы. Интересно.

Мари. Шерхану очень трудно не смотреть на нее. Но он отмечает, что у нее еще не высохли волосы после ванной, и тени на глазах сегодня — изумрудные, какие были на глазах у Нэнси. Прыщик на носу плохо скрытый тональным кремом, темно-красная помада, которой Мари пользуется с того момента, как Шерхан ее похитил. На тоненькой шее — те самые бусы из красного стекла. Когда Мари двигается, они издают легкий стеклянный звон в ложбинке ее небольших грудей.

Маленький комочек каши в уголке ее губ. Мари его слизывает, чуть смазав помаду.

Шерхан втягивает воздух, и чувствует запах девушки; аромат чистой кожи и помады, сигарет, и шампуня. К нему примешивается животная вонь Инессы, и резкий сладковато-приторный парфюм Нэнси.

Вдруг к Мари на колени запрыгивает кошка, и Шерхану очень хочется протянуть руку, чтобы ее погладить, чтобы его рука и рука Мари нечаянно соприкоснулись на шерстке кошки. Но он останавливает себя. Не трогать! Нельзя! Мари под запретом! По крайней мере — пока.

— Как твоя рука, солдат? — спрашивает Инесса, размешивая сахар в маленькой фарфоровой чашечке. Ее золотые перстни на руках светятся от солнца, а ее свинячий взгляд

будто облизывают его руку — изучает.

— Болит. И очень сильно. — отвечает он.

— Водить ты пока не можешь. А нам надо убить того, кто тебя ранил, и еще нескольких наших врагов.

— Надо не "нам", а тебе. — отвечает Шерхан, чуть обнажив зубы, что могло бы сойти за улыбку.

— Не смеши меня. Ты сам рад участвовать во всем этом. И вам это надо, пока я плачу. А платить мне есть чем, ребятки. — говорит огромная женщина, отпивая чай. Одно неловкое движение — и чашка в толстых руках Инессы разобьётся. Разобьется от силы также легко, как ломались в этих позолоченных клешнях человеческие жизни с начала девяностых.

Шерхан замечает, что Мари хмурит брови, будто что-то обдумывая. Пока Нэнси роется в телефоне, она разглядывает отстраненно стол, и что-то замышляет. Что-то мысленно чертит у себя в голове, и Шерхан знает, что это что-то дельное. И Мари говорит:

— Те парни, что подвезли нас — разве они не могут нам помочь?

— Исключено. — отрезает Инесса. — Мы не можем просто так взять, и втянуть в наши дела кого-то постороннего. У меня доверия нет даже к моим бывшим подчиненным, а тут просто какие-то левые люди с улицы. Нет.

— Тех двух панков? — поднимает брови Нэнси. — Один из них выглядит как имбицил, а тот, что помладше — как

его младший брат, который на пару пунктов iq чуть умнее. Они вроде ничего.

— Время идет. Мы теряем придорожный комплекс. — говорит Мари. — Я не меньше вас заинтересована в том, чтобы он работал как прежде. И те двое уже достаточно вчера видели. Меня с пистолетом, выстрелы, и еще вас до кучи.

— Я бы их просто убила, солнышко мое. — начинает Инесса, вздохнув. — В любом случае рано или поздно так и будет, если у них не хватит ума держать язык за зубами.

— Господи. Ты их видела? — говори Мари. — Они панки, неформалы. Кто знает, в чем они еще замешаны. Я уверена, что они будут молчать.

— Тут я на стороне Мари. — говорит Нэнси. — Все равно нам делать нечего. Старший из них умеет водить машину, и в курсе всех нас. Мы не найдем людей лучше, если больше никому не доверяем.

— Поддерживаю. — кивает Шерхан. Встав из-за стола, он выходит на террасу, чтобы покурить.

Отправив окурок в траву, он с удивлением обнаруживает Мари позади себя. Той не смотря на каблуки как-то удалось подкрасться к нему, и возможно какое-то время за ним наблюдать. Поджав губы, он ждет, когда та что-то скажет, и Мари тоже закурив, говорит:

— Как найти тех двух ребят?

— Если они неформалы, то скорее всего в каких-нибудь андеграундных клубах, или на репетициях местных рок

групп. А так я не знаю. Я практически был без сознания и не запомнил их.

— Тот который самый мелкий, снял с себя рубаху чтобы остановить тебе кровь, пока ты валялся на задних сидениях пикапа.

— И что?

Мари устало вздыхает как человек, который вынужден общаться с бетонным блоком. Затем подходит ближе к мужчине уже цокая каблуками по дощатой террасе. Шерхан чувствует, что она ищет что сказать, но с тем же успехом она может схватить его за больную руку, чтобы сделать больно. Но она окидывает взглядом Инессины яблони и задумчиво подносит сигарету к губам. Выдыхает дым через нос.

— Мне стоит перед тобой извиниться, да? Нормальные люди ведь так делают? — пытается догадаться Шерхан.

Мари безучастно пожимает плечами.

— Я уже не знаю, как поступают нормальные люди. Тебе наверное стоит спросить у Нэнси. — отвечает она. Затем поправляет тонкую лямку черной майки.

— Я ничего не буду спрашивать у этой япошки.

— Мне не нужны твои извинения.

— Почему?

— А за что ты собрался извиняться? За то, что ты меня изнасиловал два года назад, а потом похитил? За то, что пичкал меня наркотой и заставлял заниматься всякой херней те три недели пока я от тебя не сбежала?

— Действительно. В этих вопросах мы квиты. — говорит Шерхан. — Ты меня опоила, чтобы сбежать. И два года тебя не было.

— Я вообще-то не твоя собственность, и пошел ты на хуй. — Мари тушит окурок в банке из под шпротов. Похлопав по плечу больной руки Шерхана, она возвращается в дом.

И Шерхан, не смотря на боль, улыбается.

***

Когда Шерхан увидел Мари в первый раз — он абсолютно точно не собирался причинять ей вред.

Судьба коварна. Она не раз преподносила ему неожиданные подарки, но в тот вечер в придорожном комплексе "Рысья гора" она переплюнула саму себя. Шерхан увидел длинноволосую девчушку в застиранных джинсах и в сером бесформенном свитере. Девчушку, чье лицо еще не знало косметики, а длинные русые волосы — ножниц и краски. Шерхану было просто интересно, что она здесь делала, так как на здешнюю проститутку она не походила, и выглядела так, будто только что сбежала из дома. Так оно и было! Представившись тогда еще настоящим именем, она поведала Шерхану об отчаянном побеге из дома в никуда от помешанной на религии бабки, и что теперь делать — Мари не знала.

И Шерхан предложил ей немного, что у него было: разделить с ним компанию за столиком в кафе, немного выпить, и просто поболтать. И девчонка пугливо согласилась, и еще

немного рассмешила Шерхана тем, что теперь бабкин бог не видит ее внучку в таком злачном месте. Еще она забавно скривила лицо, попробовав немного водки. Потом они немного потанцевали с гостями из Москвы.

Шерхан угостил ее шашлыком, сигаретами, и чуть не уронил стопку, когда девчушка упомянула о том, что ее родители сгорели здесь на Рысьей горе. Она сказала, что они работали тут археологами, и они занимались раскопками на месте сгоревшего монастыря. Почти здесь. В сосновом бору прямо за гостиницей.

Тогда Шерхан вспомнил, как будучи совсем еще молодым, он пытался спасти мужчину и женщину с горящей бытовки. Тогда он работал на Инессу, и та отправила его в лес, так как гости гостиницы сказали ей, что в лесу видели черный густой дым.

Он пошел туда с другом, и кинулся выносить дверь полыхающей бытовки с ноги, дабы спасти археологов. И когда внутри взорвался газовый баллон — от друга осталось лишь обожженное мясо, закутанное в тряпки.

Шерхан не сказал девчонке, что ее родители надышались угарного газа еще до того, как там все начало полыхать как в аду. Он не сказал, что пытался вытащить тела из огня, и как от жара у него обгорели волосы и ресницы. А девчушка, уже знатно опьянев, все говорила и говорила, то заплетая то расплетая косу из длинных русых волос. Видимо, рана от потери родителей была еще кровоточащей, раз она заплакала и

выбежала из кафе. Шерхан нашел ее на ступеньках террасы в компании сигареты.

Вот, значит, как бывает!

Шерхан ощутил резкое опьянение. Он не любил ночевать в гостинице, так как это была территория Инессы. С момента пожара он хорошо поднялся, стал довольно весомым человеком в криминальных кругах, и потому Инессе тоже бы не хотелось его видеть, так как она не желала признавать, что ее щенки могут вырасти во взрослых кобелей. Он предложил сбежавшей девчонке переночевать в машине до утра, после чего планировал отвезти ее обратно к бабке, что было бы для беглянки безопасно. Этот мир был слишком жестоким для девочки подростка, который не видел в жизни ничего кроме икон и сопливых сериалов по телевизору.

Но все пошло не так когда Мари сняла свитер, чтобы положить его под голову как подушку, и удобно лечь на задних сиденьях. Шерхан увидел ярко алые бусы на ее шее, и от них было невозможно отвести глаз. Что-то в них напоминало ему о грустном, о крови. О чем-то, что Шерхан прятал в себе с самого детства. Он перебрался к девчонке на задние сидения, и сказал, что у нее очень красивые бусы.

Она сказала, что они единственное, что осталось ей от родителей. Они нашли их на раскопках монастыря, и решили подарить их.

Шерхан взял бусы в руки, и Мари, смутившись, отстранилась от него.

Затем он поцеловал ее даже не в губы, а просто в щеку, будто застенчивый школьник. Это было странно и неожиданно для них обоих. Мари испугалась, и начала тараторить о том, что ей лучше переночевать в другом месте, но Шерхан схватил ее за руку и навалился сверху. Потом все было как во сне. Он помнил лишь то, как засовывал красные бусы девчонке в рот чтобы заглушить ее крики. Помнил о том, как она брыкалась под ним, и как потом затихла, осознав, что все попытки выбраться из под него — тщетны. И в тот самый момент Шерхану почему-то казалось важным, чтобы она во время изнасилования смотрела ему в глаза.

Потом он заставил ее проглотить сильные снотворные, и на утро повез туда, куда глядели его красные от недосыпа и слез глаза. Через города, области, районы. Бусы он повесил на зеркало заднего вида, и довольно часто смотрел на них — очаровывался воспоминаниями о том, каким он раньше был.

***

Если Мари думала, что началась эпическая битва за Рысью гору, то она ошиблась.

То есть она шутила, что станет эдакой киллершей как из "Убить Билла". Что будет бегать по крышам, разбираться в ядах и взрывчатых веществах, и что кто-нибудь ее обучит искусству восточных единоборств. Ну конечно же!

В чем Мари осталась уверена, так это в оттенках помады Вивьен Сабо. И пусть, что это русская марка космети-

ки. И пусть, что она позволила себе обмануться красивым словом, названием, блестящей оберткой. Она и так ощущала себя упаковкой для мяса, нежели чем самим мясом. Нэнси же остается убежденной в том, что не стоит подводить глаза жирно черным, если ты не собралась огранять свою пасть ядовито-алым, или шлюшье-красным, как цвет неожиданных менструаций. Оттенок 15 делает тебя уверенной? Мари и Нэнси ощущают себя победительницами на четвереньках. Мари была убийцей, но ею окончательно не стала. Нэнси стала забывать, что во всех этих играх ее не должно было быть.

Девчонки сейчас очень далеко от Рысьей горы, но им справедливо кажется, что за ними кто-то следит. Они так далеко, что проститутская жизнь в придорожном комплексе кажется им тысячелетней комой. После похищения Мари проснулась в совершенно ином мире, и будем откровенно честны — по тому миру она скучала. А сейчас остается торчать на инессиной даче, когда у лета срок годности кончается, как и у не распакованных солнцезащитных кремах. Нэнси теряет бронзовый естественный загар. Она замещает его бронзером, и проводит за зеркалом у трюмо целые часы, от скуки рисуя на своем лице другие лица. Мари валяется в постели поглощенная книгами и раздумьями о прошлом.

Так бывает, когда тебя гонят с насиженного места, и тебе больше некуда идти.

Ох, Инесса смеялась над ними первые дни, и было бы всем смешно, если бы сутенерша собственноручно не придушила

своих девочек за возможное предательство.

Прости нас, Инесса. Прости нас, Рысья гора.

Порой Мари кажется, что в ожидании тревог, она с Нэнси засыхает на этой даче. Слышали про тех странных сорокалетних девственников, у которых в квартирах находили засохшие трупы их матерей? Когда Мари говорит об этом Нэнси, она спрашивает, не было ли у этой мумии смазанным растительным маслом лоно? Такое все ссохшееся и пыльное...

— Как то соевое мясо, помнишь? Ты еще рыгала с него как больная собака, — говорит Нэнси, разглядывая свою огромную коллекцию косметики. Ни дать, не взять — маленький ребенок с кучей раскраски.

— Я тебе напомню о том, что мы говорим о гипотетической вагине матери сорокалетнего девственника психопата. — отвечает Мари.

— Интересно, что бы сказала Анюта?

Анюта. Они так быстро уехали, что даже не навестили могилу своей подруги. Да и Инесса говорила, что это опасно. И пусть! Может быть, если бы их пристрелили там, они бы бродили призрачной троицей по трассам, и сосали призрачные члены призрачных дальнобойщиков.

Скорее всего Нэнси подозревает, что Мари очень скучает по Рысьей горе. Конечно, она пытается плакать по ночам бесшумно, но по утру отекшее лицо говорит о многом той, которой тоже есть что оплакивать. Мари и Нэнси знают друг о друге все, но не говорят об этом. Это похоже на отсутствие

эмоционального интеллекта, но они понимают, что иначе будет только хуже и сложнее. К тому же они не настолько дуры, чтобы закатывать друг другу истерики по прошлому.

Когда Нэнси дарит Мари новую палетку с тенями, она видит на лице подруги улыбку. Мари сначала прижимает косметику к груди, а потом медленно открывает, улыбнувшись еще шире.

— Джефри Стар. — говорит Нэнси. — Мне эти тени не идут, а на тебе они смотрятся офигенно.

— Боже, я теперь могу выкинуть свои замазюканные тени.

Мари берет ватный диск, смачивает его мецилярной водой, и смывает зеленые тени. Затем наносит дымчато серый с новой палетки, и изучает свое довольное отражение в зеркале.

— Кстати, о чем ты трепалась с Шерханом после завтрака? — спрашивает Нэнси, и улыбка Мари исчезает.

— Я спросила, как можно найти тех ребят. И он не сказал ничего нового.

— Уродец. — отрезает Нэнси, и ищет в косметичке тушь. — Кстати, ты не видела мой сарафан в цветочек?

— В сумке глянь.

Нэнси находит под кроватью в дорожной сумке свой летний сарафан, и нюхает его. Затем корчит рожицу, и сбрызгивает ткань Томом Фордом. Надевает на себя ароматную ткань, и обувает ноги в обычные белые кеды. Мари одевает юбку и белую блузку. И если бы не пирсинг и не каре,

ее можно перепутать с потерявшейся растерянной секретаршей. Нэнси замечает, что Мари надевает те новообретенные бусы поверх блузки, и оборачивает вокруг шеи два раза, чтобы те не болтались у пояса. Зная их историю, Нэнси предпочла бы видеть на шее Мари хоть пояс от халаты Инессы, но только не бусы. Но кто она такая, чтобы отговаривать подругу от ужасного, но прошлого?

Они вызывают такси до города, и Нэнси думает о своем. О том, во что ей удалось вляпаться. Проституция, спасение подруги из лап каких-то бандитов вместе с убийцей психопатом. "Родители меня точно прикончат" — думает она, и улыбается. Затем смотрит на Мари, и вновь чувствует ее отчуждение от всего мира.

Когда Мари только появилась на паннели, в ней еще была жизнь. Нэнси помнила, что глаза ее подруги загорались при виде сочных купюр в руках клиентов, от упоминания выпивки, от веселого времяпровождения в кругу друзей. То есть, она и тогда казалась немного безучастной и слишком вдумчивой, но сейчас это усугубилось. И Нэнси знает, что в этом виноват не только Шерхан, но и Инесса. Та, словно Урсула из русалочки знает какие подобрать слова, чтобы околдовать, запутать в своих чарах, и заставить действовать в своих интересах. Мари считает, что придорожный комплекс для нее что-то значит, что это ее настоящий дом, но Нэнси готова поспорить, что есть места куда приятней. Места, в которых не проливалась кровь, и где не ломалась чья-то судьба и жизнь.

Именно Инесса накручивает Мари. И ее тоже можно понять.

Нэнси роется в сумочке, и отыскивает свои таблетки от головы. Закидывает в рот две, и запивает теплой минералкой. Разминает виски, чуть прикрыв глаза. Ей хочется куда-то на пляж. Чтобы было так-же жарко как и сегодня, но где был бы песок и чистая вода без сырой вони тины и разложившихся на дне бревен. Просто лежать на песке и заботиться лишь о том, чтобы нечаянно не спружить бокал вина, а не вот это все. Мари бы тоже не помешало развеяться. Это в тысячу раз лучше, чем участие в чужих криминальных разборках за чужую территорию.

Нэнси хочется снова позвать Мари с собой. Улететь на другой край страны, и просто пожить. Найти нормальных парней, обустроить какой-нибудь быт, и встречаться на выходных для прогулок по магазинам, и вспоминать прошлое лишь с улыбкой, а не со слезами в подушку. Но Мари опять откажется. Мари скажет, что в том комплексе сгорели ее родители. В том комплексе ее изнасиловал Шерхан. И именно этот придорожный комплекс "Рысья гора" подарил ей какое-то подобие свободы, и самых лучших подруг.

Вспомнив пеструю юбку Анюты, Нэнси вздыхает. Было бы очень здорово навестить ее могилу за Рысьей горой и там выпить. Поправить пестрые цветы у плоского валуна, рассказать им о последних происшествиях, и оставить безмолвной подруге зажженную сигаретку. Именно той марки, кото-

рую Анюта курила при своей короткой жизни.

— Мы почти приехали. — говорит Мари, вырвав Нэнси из потока сознания. Последнее воспоминание: как в окружении других проституток Анюту опускают в яму, выстланной лепестками роз и шиповника. Это было так недавно, но кажется, что тысячи лет назад.

Девушки выходят в центре города, и сначала лениво идут в торговый комплекс, чтобы купить какого-нибудь барахла. Какие-нибудь серебряные цацки, шмотки, и опять косметику. Нэнси замечает, что ей становится лень тратить деньги лишь потому, что их теперь много. Как будто она получила их не честным способом, или же украла. Те деньги, которые она зарабатывала проституцией ей приносили искреннюю радость, и тратить их было в разы приятней.

— Пошли в зоомагазин? — предлагает Мари. — Я хочу купить ошейники от блох для котов Инессы. Они постоянно чешутся.

— Блохи? — брезгливо морщит нос Нэнси. — Я ненавижу этот дом еще больше. Не хватало еще, чтобы у меня завелись блохи.

— Дура, они у людей не водятся.

— Я уже счастлива, что у Инессы есть ванная и вообще водопровод. Хоть какая-то цивилизация. Кстати...

— Что? — хмурится Мари.

— Ты никогда не задавалась вопросом, почему все Инессины враги просто не соберутся, и не приедут к ней на дачу,

чтобы ее просто убить? Это же логично и просто.

Они подходят к кофе-автомату, и Нэнси ждет, когда Мари сделает себе кофе, учтиво ей напомнив, что кофе-машина скорее всего внутри кишит всякими жуткими бактериями. Мари говорит:

— Когда мы были на Рысьей горе, Инесса говорила о компромате на всех власть имущих. Коррупция, несовершеннолетние, кумовство, наркоторговля, и прочая хрень. Инесса мне тогда сказала, что у нее есть доверенное лицо, которое после ее смерти опубликует все материалы там где это только можно, а еще передаст дела в полицию.

— Почему бы ей сейчас не передать все эти дела в полицию, и не вздохнуть спокойно? — возмущается Нэнси.

— Я тоже об этом размышляла. Но это лишь компромат для того, чтобы Инесса могла спокойно жить. На деле же все это может создать только шум. Уверена, все те бизнесмены легко отмоются деньгами.

— И потому она задумала их по одному убить. Ну просто гениально. В итоге комплекс теперь не числится ни за кем и пустует. Мы теперь отсиживаемся на какой-то даче, и еще есть риск, того, что нас всех могут убить. Знаешь, подруга, я мечтала о подобных приключениях в детстве. Когда была тупой.

Мари улыбается краем губ. Предлагает кофе Нэнси, но та отказывается. Со стороны кажется, что они лишь студентки подруги, но в сумочке Мари спрятан пистолет, а у Нэнси —

перцовый баллончик.

— Мы должны найти тех двух ребят. Или хотя бы того рыжего. — говорит Мари.

— И сделать ему зубы. Ну как же! Мы обязательно втянем в эту срань каких-то недорослей. — говорит Нэнси.

— Никто из нас не умеет водить машину. Думаю, наша мамка может действовать одна без Шерхана, но она не станет после каждого убийства вызывать себе такси.

— Порой ты говоришь как Инесса. Ты убила трех людей, и последнего расстреляла прямо на моих глазах. Еще немного, и станешь жирной сутенершей

— Ты так считаешь? — хмурит брови Мари.

— Ну, я начну бить тревогу, если вдруг тебе приспичит наряжаться как оперная дива.

Мари ничего не говорит. Она лишь вздыхает, и смотрит по сторонам в поисках ювелирного бутика. Никакого золота! Ей хочется какое-нибудь серебряное украшение, минималистичное, но с душой.

Они цокают каблуками по улицам, лениво заглядывая в витрины. Платья, костюмы, и все такое дешевенькое и "не вкусное", что Нэнси предлагает укрыться от жары и этого ужаса в кафе. Они заказывают кофе со льдом, но им говорят, что кофе подают только горячим. Тогда их выбор падает на мохито, и Нэнси про себя молит небеса о спасении. Бора-Бора, остров Мадейра, Новый Орлеан, и прочие места, где все иначе. Нэнси вспоминает Грецию и добавляет, что гре-

ки — очень красивые. В набитом кафе приходится говорить чуть повысив голос, и потому Мари предлагает перебраться за столик под зонтиком на улице.

— Они как итальянцы, но чуточку другие. Киприоты так вообще душки, но я тогда еще не вкусила всю сладость лишения девственности с одним из них. Ты же слышала про Джорджа Майкла?

— Джордж Майкл? Господи, он же грек, да. — Мари выковыривает трубочкой листик мяты, и отправляет его в рот.

— Именно. Может свалим в другую страну? Поработаем на улице красных фонарей, или будем стрипухами в каком-нибудь американском баре в штате Иллинойс. Только представь; неоновый свет, чернокожие Алиши, которые отсчитывают вульгарным маником наличку, а еще куча выпивки и грязные от автозагара стринги.

Мари на мгновение окунается в мечты о такой жизни. Нэнси вздыхает, и кажется, что на самом деле она грезит о другом. Когда Мари заглядывает в ее глаза, она пытается прочесть в них что-то знакомое, но ее карие радужки лишь говорят о том, что "ма-харошаа, тыж понимаешь, а?", но что Мари должна понять? За какое время после последнего убийства восстанавливается эмпатия? Ей и до этого было трудно с невербальными знаками, так еще это усугубилось. И Мари говорит:

— Ты что-то не договариваешь, ведь да?

— Мари, ну блин. Неужели ты не понимаешь? — Нэн-

си поднимает брови, будто заставляя подругу понять все без слов. Но та смотрит на нее как дура на дурочку.

Мимо кафе проезжает красный пикап, и девушки провожают его глазами. Но это не шерхановский пикап.

— Курица! Я хочу работать проституткой, — выдает Нэнси. Будто выплюнув это признание, она копошится в своей шанелевской черной сумочке в поисках сигарет. Ее "надо бросать курить" снова накрывается медным тазом, и следом закуривает Мари, накинув солнцезащитные и даже не паленые Ray Ban на кончик носа.

— Ты гонишь, подруга. — выдыхает Мари, — Мы же дали друг другу слово, что...

— Да че я гоню? Мы помираем от скуки. И наверняка в этом Вавилоне найдется другая Рысья гора. Давай хотя бы в "Дом Бурбона" сходим, иначе мы сойдем с ума.

— Какой еще "Дом Бурбона" ? Там тыща людей, и все бухие и бесячие. Я не хочу.

Нэнси поджимает губы, и в сердцах кидает в Мари зажигалкой. Необычайно для себя, она ловко ловит ее в полете, и отправляет обратно. Та теряется в складках нэнсиного сарафана, и на них кто-то смотрит; Мари ощущает себя в жаре под зонтиком в вони выхлопных газов и сигарет кем-то слишком изнеженным. Шум, разговоры, все это так ее утомляет, что она мечтает устроить себе в ванной сеанс сенсорной депривации, и просто подумать ни о чем. Но Нэнси не успокаивается. Заприметив через дорогу ларек с бижутери-

ей, она предлагает подыскать какие-нибудь милые безделушки.

***

Инесса проводит день за готовкой и подрезкой садовых деревьев. Секатором удаляет засохшие ветви у сливы и груши, а еще дает себе установку, что если доживет до следующего сезона, то займется дачным участком как следует, и возможно поставит теплицы. В последний раз на даче Инесса была в мае, чтобы на пару дней отдохнуть от дел. Поваляться в постели, походить голой ночью по дому, и просто побыть одной, чтобы привести мысли в порядок. А еще хорошенько заплатить соседке, чтобы та давала приют ее котам, которых Инесса боялась брать с собой на Рысью гору.

— Эти гребанные туристы или их спиздят, или загладят до смерти. — объясняла она свои опасения соседке. И не смотря на долгую разлуку, коты Инессу узнавали, и были с ней ласковыми.

"Мои засери пушистые" — ласково зовет их хозяйка сидя с сигареткой на крыльце террасы, и наблюдая за тем, как коты пытаются охотиться на птиц.

Пока Мари и Нэнси гуляют в городе, Инесса с тяжестью поднимается к ним в комнату на второй этаж, и собирает грязное белье в стирку. Рассматривает грязное шмотье Нэнси, по прикосновению к ткани опознавая дорогую вещь от дешевой. Что-то бормоча себе под нос, она застилает им све-

жее постельное белье, и закинув вещи в стиральную машину, заходит в спальню Шерхана.

— Если рука сильно болит, то у меня есть хорошие обезболивающие уколы. — говорит Инесса и уходит. Шерхан ей не нравится, и в своем мысленном списке задач она ставит галочку напротив его имени, чтобы после того как буря стихнет — от него избавиться, и как можно более изощренным способом. Такая тварь как он заслуживает того, чтобы быть похороненным заживо с отрезанными веками. Пусть Шерхан созерцает темноту вечно.

В своей просторной спальне Инесса какое-то время проводит у трюмо. Поправляет короткие выбеленные волосы, наносит пудру на лоснящиеся от жары щеки. Изучает татуаж бровей, и размышляет над тем, чтобы его вывести лазером. Затем пододвигается ближе к себе шкатулку с драгоценностями, и надевает серьги с крупными изумрудами. С ними взгляд становится более выразительным и спокойным. "Какова фифочка" — думает сутенерша, отправляя отражению в зеркале воздушный поцелуй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.